

Санкт-Петербургский государственный университет

Завадская Юлия Олеговна

Выпускная квалификационная работа

**ПОВТОР КАК ДИСКУРСИВНОЕ СРЕДСТВО
В РУССКОМ УСТНОМ МОНОЛОГЕ**

Уровень образования: магистратура

Направление: 45.04.02 «Лингвистика»

Основная образовательная программа ВМ.5621. «Русский язык»

Научный руководитель:

д. ф. н., профессор, кафедра русского языка,
Богданова-Бегларян Наталья Викторовна

Рецензент:

к. ф. н., эксперт Отдела фоноскопических,
лингвистических, автороведческих экспертиз

Экспертно-криминалистического центра
Главного управления МВД РФ по СПб и ЛО,

капитан полиции

Стойка Дарья Андреевна

Санкт-Петербург

2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ	2
ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. РУССКАЯ УСТНАЯ РЕЧЬ И ЕЕ СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ.....	9
1.1. Специфика устной речи	9
1.2. Устная речь: монолог VS диалог	14
1.3. Неотъемлемые составляющие русской устной спонтанной речи	17
1.4. Повтор как явление устной речи	20
1.5. Выводы по главе	27
ГЛАВА 2. СПЕЦИФИКА ПОВТОРА В РУССКОМ УСТНОМ МОНОЛОГЕ	29
2.1 Корпусные исследования в лингвистике	29
2.2. Материал исследования и его источники	32
2.3. Критерии отбора материала	36
2.4. Классификация повторов в русском устном монологе	38
2.5. Лингвистический опрос о функциональном спектре повторов в русском устном монологе	60
2.6. On-line VS off-line повторы	65
2.7. Длина цепочки повторов	69
2.8. Выводы по главе	70
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	72
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ	74
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	75
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ.....	84

ВВЕДЕНИЕ

За последнее время интерес современной лингвистики (как мировой, так и отечественной) к изучению устной речи (УР) значительно возрос, что отличается от ситуации на научной «арене» буквально несколькими десятилетиями ранее, когда с большей вероятностью можно было встретиться «с имплицитной практикой, в соответствии с которой лингвисты обращают внимание только на письменную форму языка и полагают, что, изучая письменные предложения, они изучают язык вообще» (Кибрик 2009: 5). Следствием активизации такого интереса стало появление многочисленных научных работ в этой области. На первый взгляд, у каждого из этих исследований есть своя, уникальная, цель, однако все же все они направлены на изучение устной речи как отдельной формы существования языка, описание ее специфических черт, поиск важнейших взаимосвязей, выявление внутренних законов и т. д. Кроме того, анализ устной речи чрезвычайно важен потому, что «устная речь на современном этапе развития языковой системы <...> не может определяться только формой (устной или письменной) или сферой функционирования <...>, потому что этот феномен проникает во все сферы коммуникативной деятельности любого человека» (Просвиркина, Левина 2015: 59).

По данным уже проведенных исследований на материале русской устной речи, можно выделить ряд признаков, существенно отличающих живое речепорождение от письменной, обдуманной заранее и зафиксированной, речи. Такие специфические элементы обнаруживаются на всех уровнях анализа устного текста, от фонетической реализации высказывания до его синтаксической организации. Прежде всего, в этот список входят (1) различные *неречевые звуки*, служащие средством заполнения пауз хезитации (которые, в свою очередь, тоже относятся к уникальным чертам УР), а также паралингвистические явления (например, смех, вздох, кашель), отражающие невербальную реакцию говорящего на свое же высказывание или на иные внешние стимулы; и (2) *условно-речевые*

единицы (в том числе *прагматемы*, или *прагматические маркеры*), обрывы, оговорки, самоперебивы, метакоммуникативные вставки¹. Их появление в ходе вербального оформления мысли обусловлено несколькими факторами: во-первых, ситуацией временного дефицита (говорящий практически лишен возможности спокойно обдумать будущее высказывание)²; во-вторых, присутствием собеседников в момент речепорождения (в диалоге или полилоге) и др.

Для создания максимально полной «картины» устной речи необходим детальный анализ не только каждого из ее элементов, в том числе включающий междисциплинарный подход (прежде всего психо- и социолингвистический), но и анализ взаимодействия этих элементов между собой. Настоящее исследование посвящено одной неотъемлемой составляющей устного речепорождения, а именно *повтору*. Поиск подходящего определения в научных работах выявил различные толкования этого термина, ср.: «фигура речи, состоящая в повторении звуков, слов, морфем, синонимов или синтаксических конструкций в условиях достаточной тесноты ряда, т. е. достаточно близко друг от друга, чтобы их можно было заметить, <...> в составе одного предложения, абзаца или целого текста» (*Арнольд* 1981: 43); «внутрифазовые абсолютные лексические повторы, функционально неоднородные, обусловленные устным характером речепроизводства» (*Фонетика спонтанной речи* 1988: 172); «фономорфологические, лексические и синтаксические явления, проявляющиеся в удвоении части звукового комплекса, части слова, всего слова или ряда слов» (*Горишнова* 2009: 32). «Повтор может возникнуть (подобно паузе хезитации) как результат колебания в выборе последующей лексической единицы или семантико-синтаксической конструкции и, сознательно используемый говорящим, в устной речи, служит

¹ Подробнее об элементах устной речи и особенностях их функционирования см. ниже: главу 2 настоящего исследования.

² Ср.: «в реальных условиях коммуникации, в процессе естественного спонтанного диалога продуцирование текста (высказывания) происходит, по существу, в “экстремальных условиях” – при дефиците времени и отсутствии возможности тщательно продумать стратегию» (*Левцкий* 2011: 162).

текстообразующим и стилистическим средством» (*Звуковой корпус...* 2013: 174). Существуют и многие другие определения повтора, в том числе повтора-*хезитации*, повтора-*актуализатора*, повтора-*паузы*, повтора-*связки*, повтора-*редупликации*, повтора-*отзвучия*, повтора-*персеверации* и под. (см., например: Янко-Триницкая 1968, 2001; Иванчикова 1969; Найссер 1981; Русская разговорная речь 1983; Бондаренко 1984; Виноградов 1990: 408; Земская 1992; Минлос 2004; Цуй Юань 2006; Сапунова 2009 а, б; Ягинцева 2009; Плотникова 2011, 2014; Хан 2013; *Звуковой корпус...* 2013).

Однако с учетом специфики нашего материала, в настоящем исследовании принято свое определение этого явления и под *повтором* понимается явление устной речи, заключающееся в неоднократной реализации одних и тех же единиц текста (ЕТ).

Таким образом, *объектом* настоящего исследования стала русская устная спонтанная монологическая речь, организованная в корпус. *Предмет* исследования – повтор в русской устной монологической речи.

Современное лингвистическое исследование не может опираться на непроверенные, случайные данные, поэтому обязательным – особенно при изучении устной речи – представляется обращение к специальным корпусам, ср.: корпус – «это фактически справочно-информационная система по современному русскому языку, позволяющая получать ответы на самые неожиданные вопросы – более того, позволяющая ставить новые проблемы, которых лингвистика прошлого почти не касалась» (Плунгян 2005: 13); «Корпусная методология – инструментарий, позволяющий комплексно исследовать языковую проблематику практически без изъятий» (Баркович 2013: 11). По мнению А. Д. Шмелева, обращение к корпусным данным должно подразумевать *каждое* проводимое лингвистом исследование (Шмелев 2010: 236-237).

В качестве *источника материала* для настоящей работы был использован корпус русской монологической речи «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ) (см. о нем подробнее: *Звуковой корпус...*

2013; Богданова-Бегларян и др. 2019), точнее – один из блоков этого корпуса, содержащий монологи разного типа, записанные от информантов-медиков (MED) (см. об этом блоке подробнее: Бродт 2007; Русская спонтанная речь 2021). На основе этого корпуса, методом сплошной выборки, был создан пользовательский подкорпус материала для конкретного исследования, включающий 190 единиц (повторов) в контекстах.

Целью настоящей работы является описание функционирования повтора в роли дискурсивного средства в русской устной спонтанной речи.

Для достижения данной цели в работе были поставлены и решены следующие **задачи**:

- 1) обзор литературы по теме (спонтанная речь, устная коммуникация, хезитационные явления, речевые сбои, повторы и т. п.);
- 2) создание пользовательского подкорпуса материала;
- 3) анализ и систематизация материала;
- 4) количественные характеристики материала с различных точек зрения.

Теоретическая значимость исследования заключается в рассмотрении и сравнении особенностей повторов разного типа, как одного из хезитационных явлений, свойственных русской спонтанной речи. Анализ этого явления, установление возможных причин его появления и зависимостей от характеристик говорящего позволит больше узнать о механизме порождения речи, что внесет свой вклад в развитие *коллоквиалистики* как теории разговорной речи.

Практическая значимость исследования проявляется в возможности использования результатов анализа повторов, например, в курсах *коллоквиалистики* и преподавания русской разговорной речи в русской и иностранной аудитории.

Научная новизна исследования состоит в использовании ранее не изученного с этой точки зрения материала и в постановке задачи масштабного описания повторов в русской (на материале других языков,

например, китайского, такие исследования уже проводились – см. Чэн Чэнь 2016, 2018) устной спонтанной монологической речи.

Основные *методы* работы:

- метод сплошной выборки;
- описательный (контекстный анализ);
- сопоставительный;
- метод простых количественных подсчетов (квантитативный);

Структура работы отражает ее содержание и включает в себя следующие разделы:

- 1) введение;
- 2) теоретическая глава;
- 3) исследовательская глава;
- 4) заключение;
- 5) список использованных сокращений;
- 6) список использованной литературы;
- 7) список использованных словарей и иных ресурсов.

Во *введении* обозначены цель, задачи и материал исследования, а также обоснованы актуальность, научная новизна, теоретическая и практическая значимость результатов анализа. Описана структура работы и использованные в ней методы.

В *первой главе* описываются существенные отличия устной речи от письменной, специфические черты устного дискурса, повтор как явление устной и письменной речи, отличие диалога от монолога.

Вторая глава содержит описание функционального спектра повтора в русском устном монологе и взаимосвязанных характеристик, а также проведенного лингвистического опроса.

Апробация работы: основные положения и результаты настоящего исследования были обсуждены в ряде докладов и сообщений на научных конференциях и семинарах разного ранга:

- XXIII и XXIV Открытые конференции студентов-филологов (Санкт-Петербург, ноябрь 2020 г., апрель 2021 г.);
- XIV научная филологическая конференция молодых ученых «Язык. Культура. Личность» (Самара, декабрь 2020 г.);
- Международная научно-практическая конференция молодых ученых «Актуальные проблемы филологии» (Екатеринбург, апрель 2021).

Результаты работы отражены в следующей *публикации* автора:

Всё повторяется дважды, а иногда и трижды: о функциях повтора в русском устном монологе // Язык. Культура. Личность. Выпуск 7: материалы всероссийской с международным участием научной конференции молодых ученых. (Самара, 18 декабря 2020 г.) / Отв. ред. Т. Е. Баженова. – Электрон. текст. дан. [2,1 Мб]. – Самара: ООО «Научно-технический центр», 2021. – 1 электрон, опт. диск (CD-ROM). – С. 19-31.

ГЛАВА 1

РУССКАЯ УСТНАЯ РЕЧЬ И ЕЕ СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ

1.1. Специфика устной речи

Устная речь, безусловно, отлична от противоположной формы бытования языка, т. е. от речи письменной. Эта разница была отмечена уже давно; так, Л. В. Щерба считал, что «нужно прежде всего различать у русских, т. е. у говорящих и пишущих на общерусском литературном языке, два языка: один слышимый и произносимый, а другой написанный, которые находятся один к другому в известных отношениях, но не тождественны – элементы одного не совпадают с элементами другого» (Щерба 1957: 11-12); «Речь и язык обладают независимыми организациями, в связи с чем можно <...> предположить существование *лингвистики речи* (здесь и далее в цитате курсив мой. – Ю. З.) наряду с *лингвистикой языка*» (Мартине 1963: 389). Несмотря на то что большинство важнейших языковедческих исследований до недавнего времени опиралось именно на письменную речь, нельзя отрицать того, что естественная, живая, речь лучше отражает процесс взаимодействия человека с системой языка. М. Пабст-Вайншенк полагает, что основным направлением речевого сознания в целом является *спонтанная речь* (Pabst-Weinschenk 2003: 120).

По ряду причин разного происхождения (исторические, социально обусловленные) письменная речь воспринимается как более престижная, приоритетная. Безусловно, благодаря своей нормированности, письменный текст отличается большей степенью устойчивости и способности к длительному хранению. Именно письменная речь фиксируется словарями и грамматиками, школьное изучение языка построено на освоении, в основном, норм письменной речи. Ученые, обращая внимание на этот феномен и подчеркивая неоспоримую вторичность письменной формы языка, отмечали, что, «несмотря на очевидную первичность устной речи, сложилась очень стойкая традиция, в силу которой устная речь воспринимается на фоне письменной речи и в параметрах этой последней»

(Гаспаров 1978: 63). О причинах такого отношения к зафиксированной на письме речи рассуждал Ф. де Соссюр: «у большинства людей зрительные впечатления яснее и длительнее слуховых, чем и объясняется оказываемое им предпочтение. Графический образ в конце концов заслоняет собою звук» (Соссюр 1933: 47). Ученый признает, что «наконец, когда налицо расхождение между языком и орфографией, <...> почти неизбежно торжествует письменное начертание; тем самым письмо присваивает себе важность, на которую не имеет права» (*там же*). Таким образом, письменный язык образовался искусственно, как продукт культуры, для передачи речи на большие расстояния и фиксации его во времени, и не является неотъемлемой составляющей каждой языковой системы. Освоить его возможно только при специальном обучении. По мнению Л. Р. Зиндера, зависимость письменной формы речи от устной состоит в том, что «написанное приобретает смысл, то есть становится фактом языка, когда оно хотя бы мысленно озвучивается. Письменная речь не обладает достаточными средствами для передачи внутренней структуры сообщения, всех нюансов содержащегося в нем смысла» (Зиндер 1987: 16), так как реализация всех ритмико-интонационных характеристик через специальные, особенные, знаки препинания слишком сильно усложнила бы пунктуацию. А. П. Поцелуевский считает, что «под письмом в широком смысле слова понимается система условных материальных знаков, с помощью которых обеспечивается общение людей. [Она] в отдельных языках может конкурировать непосредственно со звуковым языком, являясь его заместителем. Но обычное письмо, не играя самостоятельной роли, является лишь дополнением к звуковой речи, фиксируя ее материально» (Поцелуевский 1946: 2). Таким образом, важность роли устной речи для любого языка очевидна. Именно устная речь первой отмечает изменения в языке, которые впоследствии (по преимуществу) фиксируются и на письме.

В настоящее время лингвисты все больше внимания уделяют изучению устной речи. Такой тенденции способствуют многие и лингвистические, и социальные факторы, ср.: «Актуальность исследования устной речи определяется рядом причин: во-первых, устная речь в последние годы становится доминирующей формой речи и активно влияет на речевую практику; во-вторых, она влияет на развитие современного русского языка, диктуя носителям языка определенные правила ее применения; в-третьих, анализ устной речи <...> позволяет представить своего рода речевой портрет эпохи – речь общества в ее социальных, возрастных, профессиональных, территориальных и культурных характеристиках» (*Просвиркина, Левина 2015: 63*). Кроме того, технический прогресс облегчил ученым анализ устной речи, автоматизировав многие процессы, что ранее было практически невозможным и/или трудно реализуемым, ср.: «Современные технические возможности записи устной речи вызвали интерес к тому, что называется “естественностью” в языке» (*Фадеева 2009: 78*). Именно вследствие этого устная речь стала объектом исследования не только лингвистики, но и других наук. Так, Л. В. Фадеева отмечает, что «устная форма речи попала в поле зрения “узких специалистов” – фонетистов, лексикологов, грамматистов, а также исследователей, которые работают на пересечении наук: психолингвистов, социолингвистов, культурологов, литературоведов и т. д. Параметры устности интересуют также ученых, специализирующихся в области прагмалингвистики, семиотики, лингвистики текста, герменевтики, лингвострановедения, когнитивной лингвистики (*там же*). Причина такого разностороннего, многопланового, подхода к анализу живой речи кроется в сложности этого явления: «Принципиальная междисциплинарность исследований речи обусловлена достаточной сложностью объекта исследования и моделирования, каким является звучащая речь» (*Алексеева 2014: 126*); Р. Филер говорит о том, что, в отличие от письменной, устная речь – текучее явление. Это ограничивает и усложняет возможности ее исследования (*Филер 2003: 57*). Ср. также: «устное повествование <...>

примитивно с точки зрения грамматического строя, полно избыточных выражений и неоправданных отклонений; в нем много субъективного, эмоционального и гипотетического, часто используются одни и те же слова и образные выражения» (Томпсон 2003: 277).

Сегодня в лингвистике наблюдается некоторая терминологическая «путаница», вызванная разными точка зрения на суть устной речи. Понятия *устная речь*, *разговорная речь*, *повседневная речь*, *устная спонтанная речь*, *устный дискурс* могут быть признаны спорными, не имеющими на данный момент общепринятых определений. В связи с тем что в задачи настоящего исследования не входит разграничение этих понятий и их четкое определение, в работе будет использован по преимуществу термин *устная речь*. Схожим образом термин *устная речь* воспринимают и И. И. Просвиркина и Е. Н. Левина, ср.: «Устная речь на современном этапе развития языковой системы <...> не может определяться только формой, <...> потому что этот феномен проникает во все сферы коммуникативной деятельности любого человека. Таким образом, трудно определить грань между формой, сферой использования и т. д., поэтому в нашей статье мы используем термин “устная речь” в значении ‘спонтанная речь представителей разных социальных групп, одна из форм повседневного речевого общения’» (Просвиркина, Левина 2015: 71).

Специфика устной речи определяется несколькими факторами. Так, основным признается ее *неподготовленность*, ср.: «Устная форма речи характеризуется спонтанностью, неподготовленностью. Эта речь воспринимается сразу, непосредственно органами слуха, она существует как “говорение” со свойственной ему мелодикой, ритмикой, интонацией» (Райская 2009: 11). К устной диалогической речи понятие спонтанности было приложено еще Ш. Балли. Он квалифицирует это понятие как незапланированность, непродуманность речи, отчасти обусловленную дефицитом времени, при этом утверждая, что даже импровизированное публичное выступление, даже беседа, выходящая за рамки повседневных

тем, находятся за пределами устной речи (*Балли* 2009: 71). В. Д. Девкин считал, что спонтанной можно называть «любую заранее не продуманную и не подготовленную речь» (*Девкин* 1979: 60). Л. В. Бондарко подчеркивает, что «подготовленная речь отличается от спонтанной тем, что говорящий еще до акта речевой коммуникации знает не только что, но и как он должен говорить. Спонтанная речь порождается в момент коммуникации, ее форма не готовится заранее» (*Бондарко* 1998: 258–259).

Устная речь *необратима*, она имеет поступательный и линейный характер, и это еще одна ее важная характеристика. Произнесенное говорящим невозможно изменить (то есть вернуться к нему в какой-то момент говорения еще раз) и/или продумать до мельчайших деталей будущее высказывание. Говорящий мыслит и произносит фразу одновременно, ср.: «Устная речь необратима – такова ее судьба. Однажды сказанное уже не взять назад, не приращивая к нему нового; “поправить” странным образом значит “прибавить”» (*Барт* 1989: 541). В зависимости от различных обстоятельств и речевого опыта говорящего, его устная речь может быть четкой, равномерной или прерывистой, фрагментарной.

Исследователи отмечают и важность роли собеседника при устном речепорождении ³. Так, Л. М. Райская считает, что «устная речь ориентирована на сиюминутное восприятие, на собеседника и строится с учетом его реакций. Устная речь непосредственна, экспрессивна, в ней используются разные средства выражения словесной формы: интонация, тембр и сила голоса, повторение, нарушение порядка слов, искажение звуковой стороны слова» (*Райская* 2009: 44). Того же мнения придерживаются и И. Н. Горелов и К. Ф. Седов: они обращают внимание еще и на речевую ситуацию, в которой оказывается говорящий и которая оказывает сильное влияние на форму и содержание высказывания: «Речевая

³ В настоящей работе материалом исследования стали спонтанно порожденные монологи, однако это не свидетельствует о том, что их невозможно рассматривать в рамках устной речи. Любой монолог в основе своей диалогичен, ориентирован на слушателя, пусть даже отдаленного во времени или пространстве (см. об этом, например: *Якубинский* 1986).

деятельность столь же многообразна, сколь многообразно социальное бытие носителей языка. Различные ситуации общения, разные стили и жанры речи предполагают использование неодинаковых способов разворачивания мысли в слово. Отличия в целях и задачах коммуникации требуют от говорящего изменения стратегии речевого поведения, речевой деятельности. Одно дело – неофициальное разговорное общение с близким знакомым, другое – спонтанное выступление в парламенте; одно дело – записка с приглашением в кино, другое – доклад на научной конференции или дипломное сочинение» (Горелов, Седов 2001: 45). Соответственно, именно устная речь становится объектом настоящего исследования.

1.2. Устная речь: монолог VS диалог

Как устная, так и письменная речь реализуются в нескольких своих видах, или жанрах. Для устной речи выделяют *монолог*, *диалог* и *полилог* (который иногда рассматривается как разновидность диалога), ср.: «Письменная и устная речь осуществляется в диалогической и монологической формах» (Райская 2009: 91). По мнению некоторых исследователей, монолог и диалог в чем-то оказываются схожи, ср.: «Можно выделить ряд особенностей, общих для устной диалогической и устной монологической речи. Устная монологическая речь абсолютно всегда обращена к живому собеседнику. Реакции собеседника дают спикеру возможность корректировать свою речь по ходу беседы (разговора/выступления). Таким образом, устная монологическая речь становится скрытой формой диалогической речи неразложимый и корректируется снаружи, показывая разнообразные стадии развернутости. Устная монологическая, как и устная диалогическая, речь располагает рядом дополнительных выразительных средств: интонация; выделение голосом отдельных компонентов текста; использование системы пауз. Внеязыковые средства: мимика; выразительные жесты. Устная монологическая речь может допускать неполноту высказывания, и тогда ее грамматическое строение может приближаться к грамматическому строению диалогической речи»

(Мишечкина 2018: 80). Стоит отметить, что некоторые выделенные Н. А. Мишечкиной критерии практически невозможно применить к устной речи в нашем понимании (устная речь не всегда направлена на собеседника; иногда он может полностью отсутствовать).

Безусловно, главным критерием разграничения становится количество участников высказывания (в широком смысле). Однако можно выделить и другие, качественные, отличительные черты. Так, Л. М. Райская пишет, что «Диалог предполагает спонтанность, непосредственную реакцию на слова собеседника, использование невербальных средств общения (жест, мимика, поза, выражение глаз), смену тем, использование коротких по объему и неполных предложений, возможность переспрашивания, уточнения по ходу общения. Монолог предполагает подготовленность, структурную организованность, отсутствие ориентации на собеседника, т. е. невозможность смены или перестройки темы» (Райская 2009: 93). Л. П. Якубинский следующим образом характеризует диалогическую речь: «сравнительно быстрый обмен речью, когда каждый компонент обмена является репликой и одна реплика в высшей степени обусловлена другой, обмен происходит вне какого-нибудь предварительного обдумывания; компоненты не имеют особой заданности; в построении реплик нет никакой предумышленной связанности, и они в высшей степени кратки» (Якубинский 1986: 21). Монологу, по мнению исследователя, присущи: «длительность и обусловленная ею связанность, построенность речевого ряда; односторонний характер высказывания, не рассчитанный на немедленную реплику; наличие заданности, предварительного обдумывания и пр.» (там же).

С одной стороны, некоторые лингвисты, ссылаясь на диалогическую природу языка, считают невозможным выделение монологической формы речи, так как монолог всегда ориентирован на присутствие – эксплицитное или имплицитное – адресата. С другой стороны, граница между монологом и диалогом неясна в тех случаях, когда реплики участников коммуникации

развернуты. При этом диалог воспринимается лингвистами доминирующей, главенствующей, формой организации речевого общения. Основанием для этого утверждения служит тот факт, что лидирующей функцией языка как культурного феномена является коммуникативная. Например, М. М. Бахтин отмечает, что «речевое взаимодействие есть единственная реальность языка» (Бахтин 1979: 136)⁴. Это мнение поддерживает и О. Дюкро, который уверен в том, что язык призван главным образом служить целям общения между людьми (Дюкро 1980: 65).

Однако сегодня все больше лингвистов избирает в качестве объекта исследования устную речь, организованную именно в монолог. Это связано с тем, что устные монологи представляют собой широкий набор текстов, различных по фоностилистической окраске (информационные, научные (академические), публицистические, разговорные), по степени официальности (официальные/неофициальные) и степени подготовленности (спонтанные/подготовленные) (Соколова и др. 2005: 67). Настоящее исследование нацелено на анализ именно спонтанных монологических текстов, озвучиваемых в момент их порождения.

На преимущества обращения к спонтанным речевым произведениям указывала Е. С. Кубрякова, подчеркивая их приближенность к выражаемым в них мыслительным процессам, внутренней речи (Кубрякова 1986: 34). О специфике устного спонтанного монолога писал М. Пабст-Вайншенк. Так, типичными, по его мнению, для спонтанного речевого монолога признаками можно считать: повторения частей предложения, слов, слогов и звуков⁵; перестановка предложений и самоперебивы из-за перемены интенции; незаполненные и заполненные паузы (*Ähs* в немецком языке. – Ю. З.) между словами и внутри одного слова; слова-старты (*hm, ja, also* в немецком языке. – Ю. З.); удлинение звука; перехват дыхания; телодвижения; паузы-

⁴ Ср.: «Единственно адекватной формой словесного выражения подлинной человеческой жизни является незавершенный диалог. Жизнь по природе своей диалогична. Жить – значит участвовать в диалоге – вопрошать, внимать, ответствовать, соглашаться...» (Бахтин 1979: 241).

⁵ Ключевой признак для настоящего исследования, посвященного изучению повторов в устном спонтанном монологе.

хезитации; замены гласного или добавление звука Schwa [ə] (для немецкого языка. – Ю. З.); пропуск некоторых звуков и слов; «языковые кризисы» в экстремальных ситуациях, такие как «Blackout» во время доклада перед большой аудиторией или устного экзамена (*Pabst-Weinschenk 2003*).

И. П. Амзаракова комментирует перемену интенции говорящего, раскрывая причину данного явления, следующим образом: «Условия протекания разговорного монолога, его устный, спонтанный характер приводят к тому, что по мере развертывания основной мысли говорящий, в силу ассоциативного мышления, отвлекается от основной идеи» (*Амзаракова 1995: 21*). Кроме того, на качество монологической речи влияет и непривычная, даже стрессовая, ситуация, в которой оказывается говорящий. Таким образом, человек, не имеющий опыта в порождении монологической речи на конкретную тему, перед микрофоном теряется. Такой тип речи, по мнению И. Н. Горелова и К. Ф. Седова, «предполагает у говорящего человека наличие хорошо сформированного аппарата внутренней речи, позволяющей в считанные доли секунды производить сложные операции по превращению мысли в словесный текст» (*Горелов, Седов 2001: 73*)⁶. Анализ явлений устной речи, реализованных при порождении спонтанного монолога, позволяет увидеть многие скрытые процессы, которые и заключают в себе специфику этой формы речи⁷.

1.3. Неотъемлемые составляющие русской устной спонтанной речи

Специфика устной речи заключается не только в характерных для нее неподготовленности и необратимости. Содержательно любое спонтанно порожденное высказывание включает элементы, которые можно считать неотъемлемыми составляющими УР. К таковым можно отнести паузы хезитации, обрывы, оговорки, метакоммуникативные вставные конструкции

⁶ Операция такого превращения не так проста, как может показаться. Например, В. Фон Гумбольдт описывал речевой акт как стихийное противоборство, драматический конфликт между мыслью и ее речевым воплощением: «Для самого повседневного чувства и самой глубокой мысли язык оказывается недостаточным, и люди взирают на этот невидимый мир, как на далекую страну, куда ведет их только язык, никогда не доводя до цели. Всякая речь в высоком смысле слова есть борьба с мыслью, в которой чувствуется то сила, то бессилие» (*Гумбольдт 1984: 378*).

⁷ О функционировании повторов в устном монологе см. далее, раздел 2 настоящего исследования.

и т. п. Н. А. Хан определяют устную речь как «изобилующую явлениями, которым трудно дать однозначную лингвистическую трактовку: это различного рода повторы, перебивы, обрывы слов или фраз, оговорки, элементы самокоррекции или хезитационные паузы, которые давно уже воспринимаются как своеобразные маркеры такой речи» (Хан 2012: 26).

Паузы хезитации могут быть названы «характернейшей особенностью спонтанной устной речи (как непринужденной, разговорной, так и более официальной), отражающую ее сиюминутность, творческий характер» (*Фонетика спонтанной речи* 1988: 144). Пауза – необходимое и обязательное речевое явление, в первую очередь призванное выполнять роль универсального средства членения устной речи на фразы и синтагмы и/или средства выражения характера связи между частями высказывания. Для спонтанного дискурса хезитационное членение зачастую может иметь приоритет над синтаксическим (*Михасенко* 1986: 40). Оно не может быть признано синтаксическим, поскольку имеет экстралингвистическую природу и обусловлено в большинстве случаев задачами планирования речевого высказывания (*Буряя* 1983; *Михасенко* 1986; *Яковлева* 2011). Как было показано на материале немецкой спонтанной речи (*Яковлева* 2011), ограничения, накладываемые правилами синтаксиса, присущего устной речи, на локализацию пауз хезитации, указывают на то, что хезитации не появляются произвольно. По данным Л. П. Бондаренко, 22 % пауз хезитации имели тенденцию к локализации на границах синтаксических единиц (*Бондаренко* 1978). Кроме того, важную роль в определении функции пауз, включая паузы хезитации, играют следующие экстралингвистические факторы: обстановка и условия коммуникации, ее тематика, цели и задачи, индивидуальные характеристики участников, их эмоциональное состояние.

Обрыв – это так называемое «заикание» говорящего, когда при речепорождении он сбивается, обрывает слово и часто затем повторяет его (*Звуковой корпус...* 2013: 179); это одна из разновидностей хезитационных явлений. К появлению обрыва приводят «любые изменения первоначальных

намерений говорящего, так называемые “перестройки на ходу”, которые затрудняют выражение законченной мысли» (*Звуковой корпус...* 2013: 425). По мнению Чэн Чэнь, обрыв может быть рассмотрен как признак сбивчивости речи. Обрыв как «точка сбоя» может возникнуть в любом месте высказывания и иногда провоцирует появление паузы хезитации, после которой говорящий возобновляет свою речь (*Чэн Чэнь* 2017: 99).

В ряду явлений, присущих устной спонтанной речи, обнаруживаются и различные речевые сбои. Одной из разновидностей последних являются *оговорки* – произвольные ошибки в речи; слова, фразы, сказанные вместо других, нужных (*Ефремова* 2000: 298; *она же* 2005: 155). Ключевым понятием, которое можно обнаружить во всех определениях оговорки, является такая ее характеристика, как несоответствие речевому заданию, наличие некоторой перепланировки высказывания, ср.: «В неподготовленной устной речи говорящий неизбежно сталкивается с необходимостью самоисправления (коррекций), т. е. с необходимостью повторять, изменять или отменять фрагменты дискурса, которые оказываются полностью или частично не соответствующими той речевой задаче, которую говорящий перед собой ставит» (*Подлесская и др.* 2019: 548; см. также: *Завадская* 2019). Сопровождение оговорок такими элементами, как паузы хезитации, метакоммуникативы, рефлексивы и под., еще раз подтверждает факт неразрывности устной спонтанной речи с характеризующими ее признаками (и их взаимодействия между собой) (*Завадская* 2018; *Завадская, Богданова-Бегларян* 2019).

Под термином *метакоммуникативные вставные конструкции* традиционно понимают «любое сообщение, имеющее своей целью комментарий, объяснение, констатацию или оценку человеком своих собственных коммуникативных действий» (*Трунов* 2004: 80). *Метакоммуникация* (от гр. *μετά* – ‘после, за’ и лат. *communicare* – ‘делать общим, связывать, общаться’) направлена на пояснение коммуникации ее же способами и средствами и позволяет взглянуть на общение со стороны

и осмыслить его (*Остапенко* 2013: 32); ср. также: «Метакоммуникация – это как бы “взгляд в зеркало”, призванный регулировать процесс общения, оценить его, договориться об условиях и условностях» (*Кашкин* 2010: 193). По мнению Н. В. Богдановой-Бегларян, «в диалоге целью метакоммуникации часто становится комментарий по поводу не столько содержания коммуникации (“текст о тексте”, или “коммуникация по поводу коммуникации”), сколько по поводу ее успешности. Человеку необходимо установить контакт с собеседником, поддерживать его в течение некоторого времени, удостовериться, что собеседник его понимает, и даже в какой-то степени повлиять на восприятие передаваемой информации» (*Богданова-Бегларян, Маслова* 2019: 124). Таким образом, метакоммуникация позволяет справиться с проблемой непонимания между коммуникантами, нежелательного, преждевременного окончания беседы или ухода темы в иное русло. Исходя из этого, коммуникация как осуществление когнитивной функции (передача информации) обязательно предполагает метакоммуникацию, сопутствующую ей и «призванную регулировать речевое общение средствами самого языка» (*Чхетиани* 1987: 1), а именно – фатическую метакоммуникацию, в которой реализуется фатическая функция (обеспечение контакта) (*Матюхина* 2004: 34).

К неотъемлемым составляющим устно порожденного текста относятся и повторы, функционирование которых является предметом настоящего исследования.

1.4. Повтор как явление устной речи

Как уже было отмечено выше, устная речь характеризуется необратимостью и неподготовленностью. В связи с этим, наряду с перечисленными специфическими элементами, в устном высказывании обнаруживаются и повторы, служащие говорящему для достижения различных целей, ср.: «Повторы слов и их частей (слов) – также сопровождают спонтанную речь. Во время порождения текста говорящий

иногда теряет мысль; повторы, продлевая время, позволяют вернуться к сказанному» (Зубченко 2009: 15).

Информативность повторов в речи представляет особый интерес для изучения, так как данное явление универсально и является типичным для любого из языков. Анализ повторов подразумевает необходимость рассмотрения причин их появления в речи, потому что понимание лингвистической, психологической, эмоциональной и социальной мотивации повтора позволит наиболее полно раскрыть функционирование этого феномена в речи. Повтор представляет собой уникальное явление в различных подсистемах языка. Существует множество отличных друг от друга подходов к исследованию данного феномена, что обуславливает отсутствие единства мнений исследователей по поводу его толкования, которое бы отражало всю многоаспектность данного явления. Так, в работах посвященных этому вопросу, можно обнаружить следующие определения термина «повтор»: «фономорфологические, лексические и синтаксические явления, проявляющиеся в удвоении части звукового комплекса, части слова, всего слова или ряда слов» (Горшунова 2009: 15); «средство актуализации важных, выгодных для автора смыслов» (Мазикова 2020: 63); «внутрифазовые абсолютные лексические повторы, функционально неоднородные, обусловленные устным характером речепроизводства» (Фонетика спонтанной речи 1988: 39). Научный интерес к исследованию повтора именно в спонтанной речи вызван не только тем, что ведущими в современной лингвистике являются антропоцентрические парадигмы исследований, но и тем, что именно в спонтанной, неподготовленной речи возможно наилучшим образом проследить естественное функционирование повтора.

Функционированию повтора в речи посвящена работа Т. И. Горшуновой «Причины и формы проявления повтора в спонтанной речи». Исследователь отмечает, что появление повторов «можно классифицировать на внешние и внутренние причины – внешние

обусловлены реакцией говорящего на не зависящие от него условия коммуникации (невнятная речь собеседника, шумы и т. д.), внутренние определяются состоянием говорящего, его языковой развитостью и т. д.» (Горшунова 2009: 17). Отчасти эта идея лежит и в основе классификации повторов в настоящей работе. Одной из основных функций повтора является возвращение говорящего к основному высказыванию, ср.: «Повтор можно рассматривать как явление кратковременной памяти, которое напоминает собеседникам о теме разговора, возвращая их к первому элементу повтора. Такой повтор-ретроспектор употребляется при восстановлении логического хода коммуникации, возвращении к определенной мысли разговора, от которой отклонился собеседник» (там же)⁸. Т. И. Горшунова выделяет и хезитативный повтор: «Одна из внутренних причин возникновения повтора в речи обусловлена трудностью словесного воплощения мысли. В такой ситуации возникают, так называемые, паузы неуверенности, или хезитации, которые приходится заполнять некоммуникативными звуками типа э-э-э, м-м-м. В данном случае повторы выступают в роли опоры для говорящего, когда он пытается подобрать наиболее приемлемую форму передачи мысли» (там же). Хезитативный повтор был обнаружен и в процессе анализа материалов настоящего исследования⁹. Стоит отметить и то, что в работе Т. И. Горшуновой описаны повторы при самокоррекции, ср.: «Предназначение повторов в устной речи заключается также в том, что они помогают избежать ошибочного понимания слушателем хронологической последовательности высказывания, деталей событий, внешности, эмоционального состояния и т. д., выполняя тем самым функцию самокоррекции» (там же).

⁸ Идентичный тип повторов обнаружен и в пользовательском подкорпусе настоящего исследования. Подробнее см. гл. 2.

⁹ Подтверждение тому, что хезитативный повтор действительно часто встречается в устной речи, можно найти и в работах Е. М. Баевой, ср.: «Различают повтор-хезитацию, повтор-подчеркивание, или актуализатор, повтор-паузу и разнонаправленный повтор-связку. Все эти виды повторов характерны для устной подготовленной речи (например, во время чтения лекции или доклада), однако наиболее частотен в спонтанной речи повтор-хезитация» (Баева 2018: 37).

В. И. Подлесская также выделяет хезитационную и корректирующую функции повтора, ср.: «Повтор – это операция, которая, с точки зрения ее когнитивной интерпретации, представляет собой совмещение функций коррекции и хезитации: произнеся некоторый фрагмент, говорящий может прерваться, ощутив сомнение в том, что этот фрагмент соответствует изначальной программе, затем отвергает эти сомнения и повторяет данный фрагмент, сигнализируя о том, что вербализации более удачной, чем первоначально предложенная, он не подобрал. При повторах сомнения говорящего могут быть связаны как с уже произнесенным отрезком (с его формой, значением или с его локализацией в речевом потоке), так и с отрезком, который еще только планируется к реализации. В последнем случае повторы используются как чисто хезитационное средство для того, чтобы выиграть время для более долгосрочного планирования. Установить границы отрезка, планирование которого привело к повтору, далеко не всегда удается» (Подлесская, Кибрик 2007: 14).

Авторы коллективной монографии «Фонетика спонтанной речи» составили следующую классификацию повторов (*Фонетика спонтанной речи* 1988: 173):

1) повтор-хезитация (рассматривается лингвистами как неизбежный элемент относительно спонтанного монолога);

2) повтор-подчеркивание, или актуализатор (представляет собой речевой прием для усиления экспрессивности высказывания, подчеркивает новую, важную информацию и выполняет прагматическую функцию привлечения внимания слушателя);

3) повтор-пауза (речевой сегмент, занимающий позицию конца фразы или синтагмы, функция которого определяется его положением в речевом отрезке: он служит для обдумывания последующего сегмента высказывания. Такой повтор замещает слишком затянувшуюся физическую паузу, необходимую для планирования речи, это своеобразный отдых для говорящего и слушающих);

4) разнонаправленный повтор-связка (отражает особенности речемыслительного процесса и возникает при перестройке говорящим синтаксической структуры фразы на ходу и/или речевой сегмент, выполняющий функцию связи с началом высказывания, прерванной другой предикативной или непредикативной конструкцией).

Таким образом, очевидное совпадение точек зрения на роли повтора в речи и причины их возникновения обусловлено, вероятно, универсальностью повтора в устном монологе.

Безусловно, стоит упомянуть и стилистическую принадлежность повтора, которая гораздо чаще становится предметом исследований, что обычно связано с изучением специфики художественного текста и языка отдельных авторов, ср.: «выбор и использование повторов является характерной чертой идиостиля. Повторяемость раскрывает сложные процессы художественного мышления автора, отражающие его индивидуальную картину мира. Благодаря повтору текст приобретает дополнительную экспрессию и модальность» (Атажахова 2019: 343). Например, М. В. Головушкина, исследуя феномен повтора в творчестве Ч. Диккенса, отмечает, что писатель для реализации основной идеи произведения прибегает к широкому использованию смысловых повторов, обращается к механизму линейных повторений, нередко употребляет анафорический повтор для создания особого ритма высказываний, придания им четкости и стройности, усиливая экспрессию и воздействие на читателя (Головушкина 2015: 99).

Прием повтора получил широкую популярность у ораторов, политиков, служителей культа, рекламодателей и др.; повтор часто встречается в текстах колыбельных песен и др. Как отмечает В. П. Москвин, «музыка и ритмика повтора завораживают, выделяя ключевые понятия текста, поддерживая определенные смысловые ассоциации; повтор незаметно воздействует на подсознание и является одним из наиболее действенных средств языкового манипулирования» (Москвин 2006: 401). Повтор является наиболее часто

встречающимся художественным средством в устном народном творчестве. Это универсальный, самый общий прием повествования, охватывающий все грани поэтики сказок. Повторы, согласно теории Ю. В. Рождественского, можно считать фактами культуры, представляющими собой правило организации сказочного повествования, то есть синтактику фольклорных текстов, из которых развилась затем национальная литературная традиция (*Рождественский 2000: 75*).

Были обнаружены разные, иногда в чем-то противоречащие друг другу, определения рассматриваемого термина, ср.: «Повтором, или репризой, называется фигура речи, которая состоит в повторении звуков, слов, морфем, синонимов или синтаксических конструкций в условиях достаточной тесноты ряда, то есть достаточно близко друг от друга, чтобы их можно было заметить» (*Арнольд 2002: 67*); для М. И. Чечикова релевантно понимание повтора как «формального и семантического воспроизведения языковой единицы» (*Чечиков 2019: 21*). В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой повтор характеризуется как «полное и частичное повторение корня, основы или целого слова без изменения их звукового состава (или с его частичным изменением); способ образования слов, синтаксических и описательных форм и фразеологических единиц», как «фигура речи, состоящая в повторении звуков, слов и выражений в известной последовательности», перечисляются следующие основные разновидности: повторы звуковые, повторы слов, повтор эмоциональный и др. (*Ахманова 1969: 311*).

Как и в случае с анализом повторов в устной речи, точки зрения на предмет исследования и научные подходы при рассмотрении стилистических повторов различны. Так, отдельные исследователи, например, А. П. Сковородников, изучают повторы в связи с позицией, занимаемой ими в тексте. Рассматривая позиционно-лексический повтор как стилистическое явление, А. П. Сковородников называет его основные функции: повторы единиц текста актуализируют значимость этих единиц, выделяют главную

идею, существенные детали, подчёркивают рему высказывания, служат для интенсификации действия, для синтаксического распространения высказывания и т. д. (*Сковородников 1984: 73*). Одним из наиболее актуальных и перспективных направлений в исследовании повтора, в связи с активным развитием лингвистики текста, является изучение его роли в продуцировании текста и его особенности как текстообразующего средства. Так, с этих позиций И. Ю. Ковальчук выделяет позиционные повторы трех видов (пресегментный, постсегментный, интерсегментный), полагая, что позиционный повтор является своеобразным ключом, который позволяет «расшифровать» современный текст с его сложной формальной и смысловой структурой; часто трудный для понимания, лишенный своих традиционных «цементирующих» компонентов (*Ковальчук 2004: 39*).

Повтор как художественный прием используется на всех уровнях языка. Так, на фонологическом уровне повтор связан в большей степени с аллитерацией и ассонансом; повторы, обусловленные морфологией, чаще всего представлены корневым повтором, состоящим в «столкновении» двух или более однокоренных слов в пределах микроконтекста; на семантическом уровне реализуется антанаклаза, или стилистическая фигура, которая заключается в повторе слова в одной и той же грамматической форме, но с различными смысловыми оттенками; относительно многочисленную группу составляют синтаксические повторы, традиционно анализируемые с учетом их лексического наполнения: анафора, эпифора, эпанафора, цепной повтор и др; исследователи выделяют также контактный и дистантный виды повтора¹⁰ и т. д. К самым известным и наиболее разработанным видам относятся анафора (начальный повтор) и эпифора (конечный повтор), рассматриваемые лингвистами на разных языковых уровнях: фонологическом, морфологическом, лексико-семантическом и синтаксическом (*Чечиков 2019: 19*). Именно анафорический повтор

¹⁰ В настоящем исследовании используется другое обозначение: on-line и off-line повторы.

довольно часто встречается в спонтанно порожденном устном монологе (см. подробнее гл. 2 настоящего исследования).

Так, М. К. Морен и Н. Н. Тетеревникова предлагают наиболее признанную в лингвистике классификацию повторов, включающую шесть основных видов:

- простой лексический повтор;
- анафора (стилистическая фигура, состоящая в повторении языковых единиц в начале предложения/каждого параллельного ряда);
- эпифора (стилистическая фигура, состоящая в повторении языковых единиц в конце предложения/каждого параллельного ряда);
- эпанафора (стилистическая фигура, состоящая в повторении языковых единиц в начале и в конце предложения/каждого параллельного ряда);
- частичный повтор (Морен, Тетеревникова 1960: 76).

Таким образом, большинство исследователей признают, что повтор и его различные виды являются ценным средством аффективного выделения, в связи с чем его основными функциями считаются усилительно-выделительная и экспрессивно-эмотивная. Повтору отводится важнейшая роль в формировании эмоциональной тональности художественного произведения.

1.5. Выводы по главе

В этой главе были представлены основные теоретические положения, на которых основывается настоящая работа. Очевидно, устная спонтанная речь отлична от речи письменной и обладает набором специфических черт, каждая из которых требует пристального научного внимания. Подробно описаны такие явления, как паузы хезитации, обрывы, оговорки и т. д.

Обзор научной литературы показал, что повтор рассматривается лингвистами с двух сторон: как стилистический прием (в основном, в рамках письменного текста; кроме того, с этой точки зрения повтор более изучен) и как явление устной речи (авторы работ выделяют схожие с рассматриваемыми в этой работе функции повтора). Стоит отметить, что в

данной работе в основу классификации повтора легли критерии, признаваемые сторонниками обеих позиций (в главе 2 будут рассмотрены и стилистические, и дискурсивные повторы).

Кроме того, особое внимание было уделено отличиям форм бытования языка (монолог и диалог). Так, безусловно, монологический дискурс отличен от диалогического, что существенно для настоящего исследования, источником материала для которого послужили корпус именно монологической речи.

ГЛАВА 2

СПЕЦИФИКА ПОВТОРА В РУССКОМ УСТНОМ МОНОЛОГЕ

2.1 Корпусные исследования в лингвистике

Любое исследование, осуществляемое лингвистом, должно быть ориентировано, по меньшей мере, на следующие этапы деятельности: «1) выбор принципов и оснований (“эталонов”) классификации изучаемых объектов; 2) процесс распределения объектов по классам в соответствии с этими основаниями (“эталопами”); 3) осмысление, интерпретация, истолкование результатов распределения объектов по классам, объяснение причин такого распределения» (Мельников 2003: 29). Отношение к эмпирическим данным всегда считалось одним из центральных вопросов лингвистической теории. Традиционная лингвистика зачастую прибегает к исследованиям, основанным на интуиции ученого, ограниченном количестве материала, методе интроспекции. Это путь, в начале которого стоит теория, а только после – материал. Однако логика познавательного процесса выстраивается иначе: материал – гипотеза – проверка – уточнение гипотезы – теория. Действительная же теория познания «выявляет и затем описывает образования, имеющие *собственную, естественную* (курсив мой. – Ю. З.) жизнь, продуктом которой являются наши мнения, и наблюдение которой позволяет формулировать законы как необходимые отношения, вытекающие из природы вещей (Мамардашвили 1997: 19).

Такое описание «собственной, естественной жизни» явлений становится возможным благодаря развивающейся в последнее время *корпусной лингвистике*, предметом которой оказывается корпус как «большой, представленный в электронном виде, унифицированный, структурированный, размеченный, филологически компетентный массив языковых данных, предназначенный для решения конкретных лингвистических задач» (Захаров 2005: 4–5). На корпусах текстов можно проверять различные лингвистические гипотезы, теории, они могут использоваться для любых практических работ, связанных с анализом

языкового материала. Кроме того, они могут быть рассмотрены как массивы текстовых примеров на все трудные явления языка.

В современной науке существуют разные точки зрения относительно оценки функциональности и значимости корпусного исследования языка. Ряд исследователей признают за ним статус основной эмпирической лингвистической парадигмы, другие же предпочитают пользоваться корпусом исключительно как источником примеров для иллюстрации положений своих теорий и гипотез. Довольно радикальным представляется полное неприятие корпусной лингвистики – ср., например, высказывание Н. Хомского в интервью 2004 г.: «Corpus linguistics doesn't mean anything» («Корпусная лингвистика ничего не значит»). Согласно логике ученого, корпусный подход сводится к простому наблюдению за большим объемом данных, что «не является методом научного познания и не может обеспечить ни успешного решения познавательных и практических проблем, ни приращение знания (перевод мой. – Ю. З.)» (Andor 2004: 76).

Однако, в отличие от других видов исследования (интроспекции, словарной или полевой работы), корпусное исследование позволяет проверять гипотезы о языковых изменениях и закономерностях. «Использование корпусов делает возможным объективизировать лингвистику, найти более веские аргументы применительно к фактам, создать ситуацию повторяемости, что, по мнению А. Мустайоки, является важнейшим элементом науки» (Борискина 2015: 25). Именно проверяемость (верифицируемость) результатов корпусного исследования обеспечивает его эффективность, достоверность и повторяемость. Корпусный подход к исследованию делает результаты более эмпирически релевантными. «Лингвистика корпусов позволяет нам понять, каков язык на самом деле, а не каким мы хотим, чтоб он был», – считает В. А. Плунгян (Плунгян 2006: 80).

Достаточно большой, репрезентативный, объем корпуса гарантирует типичность данных и обеспечивает полноту представления всего спектра языковых явлений. Данные разного типа находятся в корпусе в своем

естественном окружении, что дает возможность их всестороннего и объективного изучения. Именно корпус позволяет получать сведения, недоступные при традиционных методах лингвистического анализа (интроспекция, анкета, опрос информантов), а выводимые обобщения имеют статус не интроспективной догадки, как при традиционном подходе, но эмпирически наблюдаемого факта (*Бонч-Осмоловская 2003: 4*). По мнению В. В. Рыкова, «корпус текстов может рассматриваться как достаточно сложно организованная антология речевой деятельности, отражающая в себе все жанровое разнообразие представленного в нем рода словесности и занимает промежуточное положение между реальными коммуникативными процессами в обществе, которые он представляет, и формализованной лингвистической теорией, для которой он является источником для исследования» (*Рыков 1999: 91*).

Сегодня существует немалое количество корпусов звучащей, в том числе устной спонтанной, речи на разных языках, которая является объектом настоящего исследования. Нельзя не отметить значимость подобных корпусов, поскольку они способны дать «полное и адекватное представление о том, что происходит в современном русском языке» (*Плунгян 2005: 8*). Корпусы УР открывают возможности исследования тех вопросов и задач, «которых лингвистика прошлого почти не касалась» (*там же: 13*), и кроме того, отследить изменения в языке практически в «режиме online», зафиксировать их и в какой-то степени даже попытаться предсказать будущие пути развития языковой системы.

Таким образом, с появлением электронных корпусов многообразие форм существования языка стало более наглядным, возможности исследования языковых данных расширились. Современный лингвистический корпус содержит сотни миллионов словоупотреблений, а то, что с помощью электронного корпуса результаты примеров словоупотреблений можно получить за считанные доли секунд, существенно упрощает задачу лингвистам. Именно по этим причинам источником

материала для настоящего исследования послужил корпус монологической речи.

2.2. *Материал исследования и его источники*

Источником материала для настоящего исследования послужил корпус русской монологической речи, созданный в СПбГУ и известный как «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ). Это корпус, состоящий из монологов, целенаправленно записанных от нескольких групп носителей языка (медики, юристы, преподаватели РКИ, преподаватели-философы, «компьютерщики» и студенты, как филологи, так и нефилологи), и от иностранцев, изучающих русский язык (китайцы, американцы, франкофоны, голландцы и итальянцы). «Состав информантов – носителей русского языка, от которых записан весь наш материал, – будучи весьма разнородным по социальным и психологическим характеристикам говорящих (это было одним из неперемных условий всех проведенных экспериментов), является, тем не менее, строго однородным в территориальном отношении: все информанты являются коренными петербуржцами, т. е. носителями петербургского произносительного варианта современного русского литературного языка», – отмечают создатели САТ (*Звуковой корпус...* 2013: 72). Стоит добавить, что о влиянии профессии на речь человека писали многие ученые – лингвисты, социолингвисты и психологи, ср.: «Профессия в немалой степени развивает и формирует личность человека, его мировоззрение, дает опыт социального общения. Профессия обязывает личность осваивать и употреблять в речевой деятельности присущую ей лексику в строгом соответствии с установившимися правилами ее реализации. Профессия может сформировать у личности и особую позицию в выборе и построении более крупных единиц речи, например, предложения. А priori ясно, что строй предложения военного человека и, скажем, преподавателя философии или служителя церкви будет неодинаковым» (*Наумов 2004: 244*).

Корпус САТ формировался по достаточно строгой лингвистической программе. Представляется, что лингвистическая балансировка речевого материала чрезвычайно важна для того, чтобы анализу подвергался достаточно однородный материал. Иными словами, если изначально заданы равные условия записи, одинаковые коммуникативные ситуации, вынуждающие говорящих реализовать схожий речевой сценарий, тогда результатом работы может стать гомогенный во всех отношениях речевой материал. Если создать неоднородные условия для продуцирования речи, в итоге получится материал, различающийся ситуацией порождения и (следовательно) типом речевого сценария, которые, несомненно, влияют на появление и функционирование в материале тех или иных языковых фактов.

Лингвистическая балансировка материала текстотеки заключалась в том, что все тексты, составляющие данный корпус, построены в рамках комплекса коммуникативных (речевых) сценариев, относительно типичных для нашей повседневной бытовой речи. Рассмотрим подробнее все составляющие этой программы (*Звуковой корпус...* 2013: 74). Подкорпус включает такие типы монологических текстов, как чтение, пересказ, описание изображения и рассказ на заданную тему, ср.: «В ходе записи испытуемым предлагались (были смоделированы) четыре различных коммуникативных ситуации — прочитать и пересказать прочитанный текст (максимально жесткий сценарий), описать изображение (менее жесткий сценарий, позволяющий говорящему по-разному интерпретировать изображение) и рассказать о способе проведения свободного времени (в ряде случаев — о работе) (минимально жесткий сценарий)» (*там же*: 78). Безусловно, тип речевого задания во многих случаях оказывает влияние на лексическое наполнение высказывания, его оформление и речевую «свободу» говорящего, что отражается и на употреблении повторов.

Количественно сегодня корпус САТ – это около 800 текстов и около 50 часов звучания, он также сбалансирован по различным параметрам (психологическим, социологическим и собственно лингвистическим).

В основу настоящего исследования лег анализ монологов, записанных от 30-медиков. Нужно отметить, что в этом блоке САТ в записи приняли участие только женщины. Создатели корпуса, комментируя такой выбор респондентов, отмечают: «Оппозиция «мужчины – женщины» является традиционной для человеческого общества. По своему характеру она является привативной. <...> Таким образом, перед нами классическая дихотомическая классификация. Такое естественное разделение человечества на мужчин и женщин не могло не оказать влияния на речь как продукт, на речь как процесс и на речь как поведение говорящих» (*Звуковой корпус...* 2013: 86). Кроме того, это было связано и с задачами конкретно этого блока, ср.: «Исключение составил только корпус речи медиков: это конкретное исследование было направлено на выявление диагностирующих свойств УРК (уровня речевой компетенции. – Ю. З.) говорящего, поэтому все остальные характеристики информантов были сознательно нивелированы (см. подробнее: *Бродт 2007*)» (*там же*: 90).

Женщины-медики были поделены на три равные подгруппы в зависимости от их уровня речевой компетенции: низкий, средний и высокий. УРК определяется как степень свободы говорящего в выборе речевых средств, уровень его владения языковыми возможностями, его способность решать те или иные коммуникативные задачи. УРК коррелирует с двумя социальными характеристиками говорящего: высшее образование + профессиональное отношение к речи (преподаватели, актеры, лекторы, дикторы, политики...) → высокий УРК; высшее образование + непрофессиональное отношение к речи → средний УРК; отсутствие высшего образования + непрофессиональное отношение к речи → низкий УРК. Как убедительно показал анализ материала, реальные лингвистические корреляты имеют только полярные типы — высокий и низкий УРК (*Звуковой корпус...* 2013: 96). Таким образом, УРК – это единственная отличительная черта информантов (возрастная группы тоже была однородной – 30-49 лет).

Спонтанные монологи были записаны, как уже было сказано, от трех групп информантов, по 10 человек в каждой:

1) группа А – врачи-преподаватели, доценты и профессора, заведующие различными кафедрами Санкт-Петербургской Медицинской академии, другими словами – люди, имеющие профессиональное отношение к речи, занимающие более высокий социальный статус по сравнению с информантами других групп (предположительно высокий уровень речевой компетенции – ВУРК);

2) группа Б – практикующие врачи, также имеющие высшее образование, работающие в различных поликлиниках города, но не читающие лекций, т. е. профессионально с речью не связанные (предположительно средний уровень – СУРК);

3) группа В – медсестры со средним специальным образованием, без профессионального отношения к речи (предположительно низкий уровень – НУРК).

Речевые задания, предложенные информантам, были следующие:

- 1) чтение сюжетного текста,
- 2) чтение несюжетного текста,
- 3) пересказ сюжетного текста,
- 4) пересказ несюжетного текста,
- 5) описание сюжетного изображения,
- 6) описание несюжетного изображения,
- 7) свободный рассказ об отдыхе.

Исходными (первичными) текстами стали следующие:

- 1) фрагмент из рассказа К. Г. Паустовского «Кот-ворюга»;
- 2) фрагмент из повести того же автора «Мещорская сторона» – «Несколько слов о приметах».

Для описания были предложены следующие изображения:

- 1) рассказ в картинках Х. Бидструпа «Здоровый отдых»;
- 2) репродукция с картины И. Шишкина «Старые липы».

В результате от каждого респондента было получено 7 монологов. Чтение в настоящем исследовании не анализировалось, так что суммарно материал исследования составил 150 текстов, в которых было обнаружено 190 повторов в контекстах (рабочая выборка).

2.3. Критерии отбора материала

Прежде чем перейти к описанию результатов анализа, стоит обозначить и прокомментировать принципы отбора материала. В связи с этим кажется логичным еще раз привести рабочее определение повтора. Так, повтор – это явление устной речи, заключающееся в неоднократной реализации одних и тех же единиц текста. Не рассматривались как повтор и, следовательно, не входили в пользовательский подкорпус следующие единицы:

- повтор (реализация) оборванного слова;
- повтор прагматических маркеров на протяжении всего текста;
- повторения слов с целью усиления;
- лексический повтор в соседних фрагментах высказывания.

Рассмотрим подробнее на примерах:

- 1) *это был рыжий очень тощий кот с подпалинами на животе // у него было разо... / (э-э) разорвано одно ухо (И22, жен., ВУРК, ПСТ)¹¹;*
- 2) *ну вот / думал что разобьётся // ну вот свалился / прямо / в сугроб // ну вот сломал руку (И5, жен., НУРК, ОСИ);*
- 3) *так значит / собрал / значит взял лыжи / шапку / ну вот / и значит это самое / собрался / поехал (И5, жен., НУРК, ОСИ);*
- 4) *также нам помогает / такая примета как роса // когда росы очень очень много // она / обильная / яркая / сочная / то это говорит о том что будет очень хороший / яркий день (И7, жен., СУРК, ПНТ);*
- 5) *значит / дым костра может быть высоким как столб / высоко высоко высоко подниматься / в небо (И7, жен., СУРК, ПНТ);*
- 6) *встаёшь // в позу // домиком // и начинаешь полоть / полоть / полоть / полоть / полоть / до умопомрачения (И1, жен., СУРК, СР);*

¹¹ Приведенная в скобках информация содержит сведения о информанте (пол, уровень речевой компетенции) и типе речевого задания (ПСТ – пересказ сюжетного текста, ПНТ – пересказ несюжетного текста, ОСИ – описание сюжетного изображения, ОНИ – описание несюжетного изображения, СР – свободный рассказ).

7) *хозяева стали трясти интенсивно эту берёзу но кот никак не падал и в конце концов он решился на отчаянный шаг он спрыгнул с этой берёзы и с диким воплем / воплем забежал в чулан и залез в очень узкий лаз и там затихарился* (И15, жен., ВУРК, ПСТ).

Пример (1) иллюстрирует ситуацию *обрыва*: говорящий начинает произносить краткое причастие *разорвано*, однако останавливается на двух слогах, паузирует, произносит неречевой звук (э-э) и затем восстанавливает оборванное слово. Подобные случаи, обрывы слов, не воспринимаются в настоящем исследовании как повторы. Стоит отметить, что говорящие редко оставляют словом недоговоренным, о чем свидетельствует исследование Н. В. Богдановой-Бегларян, посвященное специфике обрыва, ср.: «Говорящий чаще договаривает оборванное слово; случаев полной отмены сказанного – немного» (Богданова-Бегларян 2020: 563).

Примеры (2) и (3) демонстрируют неоднократное употребление *прагматических маркеров* (ПМ) *ну вот* и *значит*, которые использованы говорящими в навигационной функции: они служат для продвижения монолога вперед. Подтверждение этой мысли можно найти в мультимедийном словаре «Прагматические маркеры русской повседневной речи» (Прагматические маркеры... 2021). В словаре дается описание функций (прагматических значений) и особенностей функционирования тех единиц нашей речи, которые подвергаются процессу прагматикализации и в результате практически утрачивают свое исходное лексическое и/или грамматическое значение и приобретают прагматическое, то есть выполняют в дискурсе только определенные функции: заполняют паузы хезитации, маркируют начало или конец реплики или монологического текста, смену темы или коммуникативной стратегии, указывают на чужую речь (цитирование), самокоррекцию, метакомментирование речи и т. п. Так, «в функции «навигатора» единица *значит* помогает говорящему «двигать» речь вперед, особенно непросто это бывает в условиях длинного монолога (порождаемого в рамках коммуникативного задания). В этих случаях *значит* встраивается в речь уже не между высказываниями, а внутри них, при этом

говорящий, как правило, не испытывает трудностей с речепорождением: слова после *значит* <...> как будто уже говорящим подготовлены и следуют быстро, без долгих пауз» (*Прагматические маркеры...* 2021). Схожая характеристика дана и одной из функций ПМ *вот*: «Выступая навигатором, слово *вот* разделяет фрагменты спонтанного монолога, направляет его продвижение вперед» (*там же*).

Далее следуют примеры *усилительного повтора* (4)-(6), которые реализуются говорящими по-разному: стандартное употребление включает две единицы (4), однако в материале встречаются и более объемные цепочки (6). Вероятнее всего, это вызвано спецификой спонтанного монолога: говорящий не ограничен инструментами письменного текста, что и побуждает его к пятикратному повторению глагола *полоть*. Кроме того, содержательно это отражает внимание информанта к тому, о чем он говорит, его отношение к описываемым действиям и событиям.

В контексте (7) представлен лексический повтор личного местоимения *он* в соседних фрагментах высказывания.

Таким образом, представленные и описанные случаи, обнаруженные в материале, не рассматривались как повторы и, соответственно, не были включены в пользовательский подкорпус.

2.4. Классификация повторов в русском устном монологе

Анализ материала позволил выделить несколько позиций для дальнейшей классификации повторов как явления русского устного монолога. Так, повторы могут рассматриваться со следующих точек зрения:

- 1) функция повтора (стилистический прием, дискурсивное средство);
- 2) стратегия повтора (on-line повтор, off-line повтор);
- 3) тип повтора (слово – минимальная единица, фраза – максимальная);
- 4) количество повторов в цепочке.

Безусловно, каждый из пунктов классификации имеет собственные подуровни, варианты реализации, что расширяет ее и доказывает сложность анализируемого явления. Кроме того, в список намеренно не включен пункт,

дополняющий стратегию повтора, а собственно – вариант заполнения лакуны при off-line повторах (см. подробнее раздел 2.6 настоящего исследования).

В центре внимания данной работы оказывается функциональный спектр повторов в русском устном монологе, в связи с чем этому пункту будет посвящена большая часть настоящей главы. Кроме того, стоит отметить, что именно этот критерий (функция повтора) оказывается основополагающим: роль повтора непосредственно влияет на другие его характеристики. Другие же точки зрения на предмет исследования будут дополнять анализ представленных примеров.

2.5. Функциональный спектр повторов в русском устном монологе

Качественный анализ материала позволил выявить несколько особенностей функционирования повторов в русском устном монологическом дискурсе. Так, повтор может выполнять роль как стилистического приема (СП), так и дискурсивного, вспомогательного, средства (ДС), ср.:

8) *он взял с собой лыжи тепло оделся взял с собой чемодан с различными необходимыми принадлежностями и приехал на этот курорт* (И15, жен., ВУРК, ОСИ);

9) *что ещё когда мы / там про костёр что-то было про костёр позже наверное ещё хочется про солнце* (И33, жен., НУРК, ПНТ).

В контексте (8) явно реализован параллельный повтор, в терминах риторики и литературоведения – прием *параллелизма*, ср.: «Параллелизм – риторическая фигура, представляющая собой расположение тождественных или сходных по грамматической и семантической структуре элементов речи в смежных частях текста, создающих единый поэтический образ. Параллельными элементами могут быть предложения, их части, словосочетания, слова» (*Литературная энциклопедия* 2001: 717). Некоторые лингвисты тоже обращают внимание на роль повтора при параллелизме, ср.: «Параллелизм является одним из условий для формирования и организации предложений в речи. Например, с сочетанием “и вот”, которое функционировало как параллелизм, формировалось следующее

предложение: “И вот грянул оркестр – и душа ваша предошущает в его звуках те впечатления, которые готовятся поразить ее; и вот поднялся занавес – и перед взорами вашими разливается бесконечный мир страстей и судеб человеческих!” (Белинский)» (Абдукаримова 2016: 183). Идентичные приемы, использованные говорящим – не обязательно осознанно – с целью стилизации собственного текста, объединены в группу повторов в стилистической функции и далее в работе не рассматриваются.

Следующий пример (9) демонстрирует повтор уже другого характера: говорящий, пересказывая прочитанный текст, с одной стороны, пытается одновременно вспомнить, о чем там шла речь, с другой – использует повтор предложно-падежной формы *про костёр*, чтобы структурировать дальнейшее высказывание (сначала *про солнце*, позже – *про костёр*), и сделать это максимально близко к тексту-стимулу. Подобные повторы, к которым говорящий прибегает как к вспомогательному средству в различных, непростых с точки зрения речепорождения, ситуациях, выполняют функцию дискурсивного средства. Именно такие повторы и стали главным объектом внимания в настоящем исследовании.

Количественный анализ корпусного материала показал, что повтор в роли дискурсивного средства встречается чаще (60 % случаев); стилистический повтор распространен в меньшей степени (40 %) (см. рис. 1). Эти данные свидетельствуют о том, что основная функция повтора в русском устном монологе – именно дискурсивная.

Стоит отметить, что внутри каждой из групп повторов обнаруживаются разновидности, конкретные его проявления в тексте. Так, повтор в роли стилистического приема включает в себя следующие разновидности:

- повтор-параллелизм,
- повтор-анафора,
- повтор именительного темы.

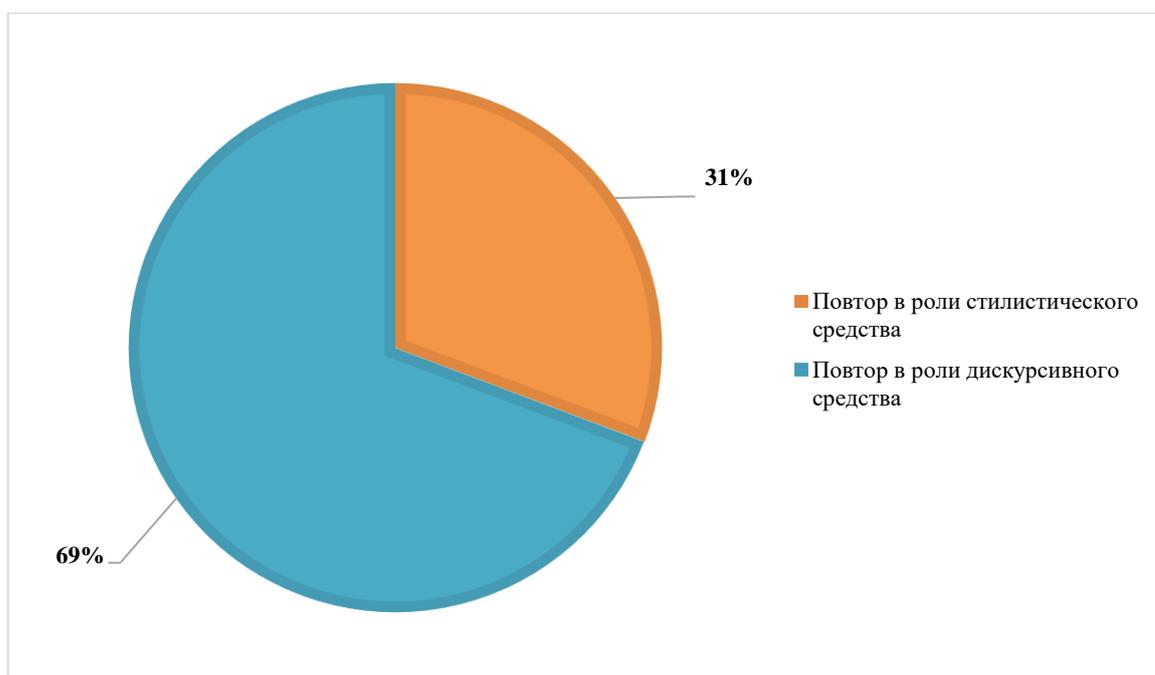

Рис. 1. Распределение повторов в пользовательском подкорпусе с учетом их функции

Рассмотрим эти типы на примерах из материала исследования:

- 10) *если роса обильна / вечером / и блестит крупными кра... / каплями на листьях и на траве значит день будет солнечным и жарким // очень красивым // если роса необильная то может быть день будет / а... облачным* (И22, жен., ВУРК, ПНТ);
- 11) *существует много примет / **бывают** простые приметы / **бывают** сложные* (И8, жен., СУРК, ПНТ);
- 12) *в приметах есть / **масса** поэзии / **масса** / чего-то очень индивидуального* (И12, жен., ВУРК, ПНТ);
- 13) *приходит к доктору // **весь** перевязанный / **весь** несчастный / голова замотана / **перелом** руки / **перелом** ноги* (И7, жен., ВУРК, ОСИ);
- 14) ***может быть** здесь играли дети / **может быть** здесь так сказать / встречались молодые люди / решали какие-то свои проблемы назначали свидания **может быть** здесь / (э-э) старушка / пришла на место побоища во время войны / где погиб её сын / или внук / или муж* (И7, жен., СУРК, ОНИ).

Пример (10) иллюстрирует анафорический повтор союза и существительного в начале реплик, между которыми обозначена долгая пауза (/). В письменном виде это можно представить как два отдельных предложения, разделенных точкой. Как известно, *анафора* (от греч. *anaphora*, букв. – ‘вынесение, отнесение’) – это «стилистическая фигура,

состоящая в повторении языковых элементов: звуков, слова или группы слов в начале каждого параллельного ряда, то есть в повторении начальных частей двух и более относительно самостоятельных отрезков речи (полустиший, стихов, строф, словосочетаний или предложений)» (*Энциклопедический словарь* 1993: 1891). Исследователи отмечают, что «анафора, участвующая в передаче отношений противопоставления, используется вместе с антитезой. Собственно анафора подчеркивает единство объекта рассмотрения, тогда как противопоставление организуется во фрагментах, следующих за анафорическим началом» (*Цин Ян* 2014: 73), что подтверждается и в этом примере: *если роса обильна* в первом предложении VS *если роса необильна* во втором. Можно предположить, что к подобному использованию повтора человек прибегает с той целью, чтобы облегчить дальнейшее построение высказывания, ориентируясь на одну и ту же синтаксическую модель.

Подобное употребление анафорического повтора представлено и в следующем контексте (11). Как можно видеть, части, разделенные повтором-анафорой, также противопоставлены: *простые* VS *сложные*. Стоит отметить, что в этом случае говорящий практически точно воспроизводит прочитанный текст (тип речевого задания в этом примере – монолог-пересказ несюжетного изображения). Обратимся к тексту К. Г. Паустовского, ср.: «Есть приметы простые и сложные». Несмотря на то что автор не использует анафору, для говорящего оказывается важным факт противопоставления двух типов примет. Вероятно, это предложение служит для информанта как опора, на которую он ориентируется при пересказе, чтобы спланировать дальнейшее высказывание как содержательно, так и формально. Кроме того, эта цитата начинает абзац текста, что еще раз доказывает гипотезу о влиянии композиции текста-стимула и его графического оформления на построение монолога-пересказа.

Отсутствие противопоставления между понятиями, разделенными повтором-анафорой, представлено в примерах (12)-(14). Повтор существительного *масса* в примере (12) несколько противоречит

содержанию прочитанного информантом текста о приметах. Так, в исходном тексте сказано следующее: «В приметах заключено много точного знания и поэзии». Кажется, что точное знание и поэзия могут быть восприняты как контекстные антонимы, и в таком случае повтор-анафора использовался бы с той же целью, что и в примерах (10)-(11). Однако говорящий перечисляет схожие по смыслу понятия: *индивидуальность, поэзия*. Скорее всего, он помнит о структуре исходного предложения и пытается воспроизвести ряд однородных членов, но забывает лексический состав этой конструкции.

Следующий пример (13) представляет несколько анафорических повторов внутри одного высказывания: местоимение *весь* и существительное *перелом*. В связи с тем что это уже другой тип речевого задания (описание сюжетного изображения), опереться на текст-стимул невозможно. Вероятно, такой повтор использован говорящим для акцентирования внимания на происходящих на картинке событиях (*весь перевязанный и несчастный* – гипербола, передающая и физическое, и душевное состояние героя). Повтор существительного *перелом* можно связать с тем, что говорящий – медик, для которого подобная незначительная деталь оказывается существенной.

Интересен пример (14): анафорический повтор, включающий вводное словосочетание *может быть* и наречие места *здесь* (в предложении является детерминантом), использован трижды на небольшой дистанции. Очевидно, говорящий прибегает к такому построению текста с целью структурирования высказывания и экономии времени на обдумывание следующей конструкции. Однако стоит обратить внимание на грамматическое оформление данного фрагмента: в первых двух случаях после повтора говорящий произносит глагол в форме прошедшего времени НСВ (*играли, встречались*), но после третьего повтора происходит сбой. За повтором следуют пауза и неречевой звук (э-э), после чего информант изменяет выбранный порядок слов и произносит глагол уже в форме СВ (*пришла*). Скорее всего, это грамматическое несогласование спровоцировано именно размером дистанции между однотипными конструкциями: к третьему высказыванию

автор монолога уже забыл ту последовательность единиц, которая была задана вначале.

- 15) *день **катается** / два **катается** / всё замечательно // но вот / впереди / он не заметил / крутой спуск и обрыв* (И1, жен., СУРК, ОСИ);
- 16) *не бегущая вероятно вода потому что есть немножко тины / я думаю что это тоже настроение / такой **чуть-чуть** подавленности **чуть-чуть** задумчивости* (И12, жен., ВУРК, ОНИ).

В контексте (15) снова представлен параллельный повтор: глагольная форма *катается* дважды употреблена информантом для того, чтобы отразить поведение героя, который проводит время на горнолыжном курорте. Подобный случай обнаруживается и в примере (16): наречие *чуть-чуть* повторяется перед существительными, описывающими настроение картины.

Стоит отметить, что параллельный и анафорический типы повторов, безусловно, тесно связаны. В работах лингвистов, изучающих специфику параллельных конструкций в текстах разных типов и стилей, анафора иногда рассматривается как разновидность параллелизма. Однако в настоящей работе было принято решение все же разграничить эти типы повторов; тем более, подробное описание повтора в стилистической функции не является целью этого исследования.

- 17) ***он ел он ел** долго **он ел жадно он** / (э-э) *просто удивительно было как он быстро и долго целый час наверно ел после чего он облизался / (э-э) лёг и мирно захрапел* (И28, жен., СУРК, ПСТ);*
- 18) *ну вот // ну значит / приметы // приметы / это дым / **когда он стелется когда он это поднимается и когда это самое*** (И5, жен., НУРК, ПНТ).

Повторы, представленные в примерах (17)-(18), хотя и входят в группу стилистических повторов, все-таки иллюстрируют специфику спонтанного речепорождения и из-за этого требуют отдельного комментария. Так, контекст (17) включает повтор грамматической основы *он ел*, которая в первом случае реализуется говорящим даже без паузы и содержательно задает тему дальнейшего высказывания. Последующее перечисление начинается с анафорического повтора той же грамматической основы, и, если

обратиться к тексту-стимулу К. Г. Паустовского «Кот-ворюга», можно увидеть, что подобной конструкции там нет, ср.: «Кот ел больше часа». Это свидетельствует, что говорящий самостоятельно изобретает такую структуру высказывания, украшая его и создавая эффект «литературности». Следует обратить внимание и на то, что информант пытается продолжить цепочку перечислений и еще раз произносит местоимение *он*, однако вместо глагола *ел* в высказывании появляется пауза и неречевой звук (э-э). Это можно рассматривать как осознание говорящим невозможности продолжить высказывание с третьей анафорой (может быть, он не смог подобрать еще одно наречие, которое бы выражало те же смыслы, что *жадно* и *долго*). Таким образом, цепочка перечислений с анафорическим *он ел* обрывается.

Схожая конструкция обнаруживается и в примере (18). Говорящий пересказывает несюжетный текст и также использует анафорический повтор *когда он* при перечислении примет, связанных с дымом. Можно отчетливо проследить, как говорящий вспоминает текст-стимул, и заметить, что из рассказа отложилось в памяти лучше, а что – хуже. Так, первая конструкция <*когда он + стелется*> реализуется без пауз, неречевых звуков и других дискурсивных единиц. Внутри второй уже появляется прагматический маркер *это* в поисковой функции (*когда он это поднимается*). Повидимому, говорящий пытается вспомнить глагол, употребленный в тексте К. Г. Паустовского. Третья анафора вовсе обрывается: произнесена только первая часть *когда*, затем следует ПМ *это самое* как свидетельство того, что говорящий не помнит третью приметку, связанную с дымом.

19) *ну вот // ну значит / приметы // приметы / это дым / когда он стелется когда он это поднимается и когда это самое* (И5, жен., НУРК, ПНТ);

20) *и значит примета / (м-м) это самое горизонт // если горизонт / ну как бы / в общем так это сжимается / то к хорошей погоде* (И5, жен., НУРК, ПНТ).

Уже прокомментированный ранее пример (19) содержит повтор другого толка, который демонстрирует обращение говорящего

к распространенной в русском языке синтаксической конструкции – именной теме. Не случайно в эту конструкцию говорящий включает именно слово *приметы*: этой теме посвящен только что прочитанный текст. Можно заметить, что, прежде чем начать пересказ, говорящий использует два прагматических маркера (*ну вот, ну значит*). Это свидетельствует о том, что уже «на старте» у него возникают трудности, которые решаются с помощью именной темы. Контактный, on-line, повтор той же лексемы может, гипотетически, подтвердить идею о влиянии уровня речевой компетенции говорящих на качество и количество использованных ими повторов. Примечательно, что и в следующем контексте (20) повтор существительного *горизонт* при именной теме окружен несколькими прагматическими маркерами (*значит, это самое*), что наталкивает на мысль о сочетании этого типа повтора с подобными элементами устного дискурса.

Таким образом, повтор в роли стилистического средства довольно распространен в русском устном монологе (40 %), он используется говорящим для структурирования высказывания, экономии времени на «изобретение» нескольких смежных конструкций и в некоторых случаях отражает специфику устного монологического дискурса.

Более богатый спектр функций представлен в группе повторов в роли дискурсивного средства:

- повтор-хезитация,
- повтор при самокоррекции («выходе» говорящего из ситуации речевого сбоя),
- повтор при вставной конструкции,
- повтор-навигатор.

Обратимся к контекстам, включающим перечисленные типы:

- 21) *ой / *С я чего-то / я чего-то / я чего-то запомнила только конец // как они kota накормили / это самое* (И5, жен., НУРК, ПСТ);
- 22) *в жизни / каждого человека существует очень много примет другое дело знаем мы их или нет люди живущие в городе как правило ими не*

пользуются // **потому что** (э-э) **потому что** // определить время нам удастся с помощью часов (И2, жен., СУРК, ПНТ);

23) я / всегда / (м-м) когда читаю вот / про скит / когда говорят вот про / людей которые / отреклись от мира и жили / отшельниками в скиту я думаю **как он как он** выглядит (И33, жен., НУРК, ОНИ);

24) но / когда / человек попадает в лес / и проведя там несколько дней / **он не** / **он не** / обязательно обратится к тем приметам которые его окружают (И1, жен., СУРК, ПСТ).

В примерах (21)-(24) обнаруживается *повтор-хезитация*, использованный говорящим как вербальное заполнение паузы, необходимой ему для раздумья, для планирования следующей порции высказывания. Повтор-хезитация уже рассматривался лингвистами. Так, работа Чэнь Чэнь посвящена отчасти изучению роли повтора в русской монологической речи носителей китайского языка. Вывод, к которому пришел автор статьи, следующий: «Повтор как хезитационное явление представляет собой неотъемлемую характеристику устной спонтанной речи, в том числе на неродном языке, может возникнуть в любом месте высказывания и причины его возникновения могут быть различны» (Чэнь Чэнь 2016: 118).

В контексте (21) представлен тройной повтор фрагмента *я чего-то*, вызванный, вероятно, самоиронией (говорящий смеется над собой, осознавая, что запомнил только конец текста). Кроме того, на возникновение довольно нестандартного повтора (тройные повторы встречаются в корпусном материале значительно реже, чем двойные) мог повлиять и смех (*С), требующий какого-то времени на возвращение говорящего к порождению текста. И эта вынужденная пауза заполняется повтором как дискурсивным средством.

Более «классическое» использование повтора-хезитации представлено в примере (22). Говорящий строит довольно объемное высказывание и вынужден взять небольшую паузу в начале придаточного причины. Возможно, в момент произнесения неречевого звука (э-э) он или припоминает текст-стимул, или действительно «отдыхает» после нескольких высказываний, произнесенных вполне безупречно. Стоит обратить внимание,

что повтор союза *потому что* «обрамляет» неречевой звук, как бы «возвращая» информанта к тексту.

Интересно сравнить с уже описанными и следующие контексты, включающие хезитационный повтор. Так, пример (23) демонстрирует повтор подчинительного союза *как* и местоимения *он*. Вероятно, необходимость повтора возникла из-за некоторого сбоя говорящего: он задумался, к какому существительному из главной части предложения относится придаточное и какое местоимение (*он – скит* или *они – отшельники*) нужно употребить. Таким образом, во время второго произнесения двух ЕТ говорящий оценивает синтаксическое оформление сказанного ранее и принимает решение о построении придаточной части. Быстрая реакция информанта проявляется, во-первых, в отсутствии ошибок, а во-вторых – в отсутствии паузы между повторяющимися ЕТ.

Повтор с паузацией представлен в примере (24): говорящий выстраивает довольно сложную синтаксическую конструкцию (придаточное – деепричастный оборот – грамматическая основа), что затрудняет процесс речепорождения и вынуждает информанта остановиться и проверить правильность произнесенного, выстроить будущее высказывание. Именно повтор выступает в роли «привала» для говорящего. Дважды повторенное *он не* – хезитативный повтор, за время которого говорящий имеет возможность оценить положение дел и, осознав, что его текст соответствует норме, продолжить говорить.

Следующий тип дискурсивного повтора – *повтор-коррекция* – представлен в контекстах (25)-(27):

- 25) *этот кот тащил всё что ему понадалось **под** руку // **под** лапу* (И1, жен., СУРК, ПСТ);
- 26) *но вот оказия **впереди** *Н незадача / **впереди** оказалась гора // довольно крутой спуск / но здесь нет препятствий* (И12, жен., ВУРК, ОСИ);
- 27) *много примет связано с росой // **чем** сильнее / (э-э) **чем** / обильней роса / чем больше она светится / (э-э) обильней и больше светится /*

(э-э) ночью / тем будет и спокойнее ясней завтрашний день (И20, жен., ВУРК, ПНТ).

Оговорка, совершенная говорящим в примере (25), исправляется им; предлог *под* при этом повторяется, помогая говорящему выбрать правильную форму существительного. Ошибка исправлена «безболезненно»: между неверной предложно-падежной формой и откорректированным вариантом нет ничего, кроме долгой паузы (/). За время этой паузы говорящий успел оценить сказанное, обнаружить ошибку и аккуратно исправить ее. Стоит отметить, что «большинство говорящих, совершивших оговорку, сопровождает ее другими элементами звукового ряда, характерными для устной спонтанной речи в целом. Сюда относятся обрывы, паузы, вербальные хезитативы, рефлексивы, метакоммуникативные вставки, неречевые звуки и т. п.» (Завадская 2018: 43). Пауза же «как единственная реакция говорящего на оговорку встречается только после речевых сбоев, которые по степени завершенности являются квазисловом или обычным словом (т. е. чем-то цельным, а не обрывом)» (там же), что подтверждается приведенным примером в том числе.

Рассмотрим следующий пример (26): повтор наречия *вперед* также помогает говорящему «выйти» из ситуации речевого сбоя (неправильно употребленное *оказия* вместо подходящего *незадача*) и «вернуться» к речепорождению. Стоит обратить внимание на причину оговорки. Так, слово *оказия* не удовлетворяет говорящего, вероятно, по той причине, что он сомневается в уместности его употребления. Словари русского языка помечают это существительное как устаревшее; кроме того, выделяется три его значения, ср.: «1. *устар.* Удобный, благоприятный случай. 2. Благоприятный случай для путешествия, поездки куда-л. в сопровождении кого-л. или пересылки чего-л. с попутчиком, попутным транспортом. 3. *разг.* Непредвиденный, редкий, из ряда вон выходящий случай» (Ефремова 2005: 190). Приведенные определения доказывают, что в русском языке слово *оказия*, во-первых, обладает несколькими значениями (некоторые из них или

малоизвестны, или совсем не известны носителям языка), во-вторых, значение, в котором говорящий употребляет существительное в данном контексте, не является основным и помечается как разговорное. Именно поэтому, скорее всего, и произведена замена одной лексемы на другую, более понятную, ту, в трактовке и уместности которой говорящий полностью уверен.

Кроме того, между ошибкой и коррекцией говорящий произносит что-то, что, к сожалению, не удалось разобрать при расшифровке. Вероятно, он как-то комментирует употребленное (по его мнению, неправильно) слово. Примечателен и тот факт, что в первом случае между словом *оказия* и повторенным в дальнейшем наречием *впереди* нет паузы, хотя, очевидно, это разные части высказывания. В письменной речи между этими словами можно было бы поставить двоеточие (*но вот оказия: впереди оказалась гора*). После сбоя говорящий аккуратнее строит высказывание, поэтому между словом *незадача* и повтором наречия паузы уже возникает. Это свидетельствует о том, что говорящий (с высоким уровнем речевой компетенции) стремится контролировать качество собственной речи.

Самокоррекция с повтором, сопровождающаяся паузой и неречевым звуком (э-э), продемонстрирована в примере (27). Так, информант считает необходимым заменить слово *сильней* на *обильней*. Это, очевидно, связано со спецификой речевого задания – пересказ несюжетного текста. Говорящий стремится максимально точно воспроизвести прочитанное, поэтому исправляет себя. В тексте-стимуле К. Г. Паустовского «Несколько слов о приметах» это предложение таково: «Она бывает такой *обильной*, то даже блестит ночью, отражая свет звезд. И *чем обильнее* роса, тем жарче будет завтрашний день (курсив мой. – Ю. З.)». Таким образом, можно однозначно утверждать, что коррекция вызвана желанием информанта в точности повторить текст. Кроме того, важно, что повтор союза *чем* (который начинает предложение и в тексте-стимуле), вероятно, играет важную роль для говорящего в процессе пересказа. Он запомнил прочитанное

предложение и, пытаясь воспроизвести его без ошибок, ориентируется на начальную конструкцию.

Самой сложной (с точки зрения количества вариантов) является группа контекстов, включающая повторы при *вставной конструкции* (ВК). ВК (в отличие от вводной конструкции) – это всегда некая дополнительная информация, которую говорящий считает нужным сообщить, разного рода добавочные замечания, попутные указания, поправки, разъяснения и т. п. (см., напр.: *Пешковский* 1938: 372; *Грамматика русского языка* 1960: 165; *Шапиро* 1974: 183-184; *Розенталь, Теленкова* 1976: 65; *Скобликова* 1979: 227; *Ляпон* 1979: 49; *Касаткин и др.* 1995: 278).

Однако в устной речи встречаются вставные конструкции, отличные от ВК литературно-письменной речи: хезитативные, металингвистические, экстралингвистические и дискурсивные (*Звуковой корпус* 2014: 49). Для настоящего исследования эта классификация становится основополагающей, так как во многих случаях использование ВК сопровождается повторами, о чем свидетельствуют примеры (28)-(32). Представляется возможным рассмотреть уже эти примеры с разных точек зрения: с опорой на упомянутую выше классификацию ВК в устной речи (содержательный подход); а также исходя из расположения повторов (формальный подход) (см. рис. 2).

Обратимся к примерам¹²:

- 28) *беседует с мужчиной страдающим избытком веса // | ну **ожирение** у него равномерное как здесь уже говорили как раз то которое вредное **ожирение** // так / абдоминальное |* (И18, жен., ВУРК, ОСИ);
- 29) *деревья / они тоже немножко искажены это не стройные **сосны** / корабельные скажем **сосны** | / а это старые липы* (И12, жен., ВУРК, ОНИ);
- 30) *почему // потому что вокруг / зелёная листва // вокруг / молодые деревья // и сквозь / листву сквозь / **ветви** | в том числе и **ветви** старых лип | / пробивается / яркий луч солнца* (И19, жен., ВУРК, ОНИ);

¹² В примерах, включающих повтор при ВК, намеренно добавлен знак границы ВК (|), которого нет в расшифровках.

- 31) *приметы передаются по радио // | (э-э) господи // как / *С сложный текст | // приметы передаются по радио* (И20, жен., ВУРК, ПНТ);
- 32) *однажды когда он схватил кусок ливерной колбасы / мальчишки пытались его поймать // но он / залез / | мигает | // но он залез на / берёзу и тогда они стали его трясти эту берёзу* (И1, жен., СУРК, ПСТ).

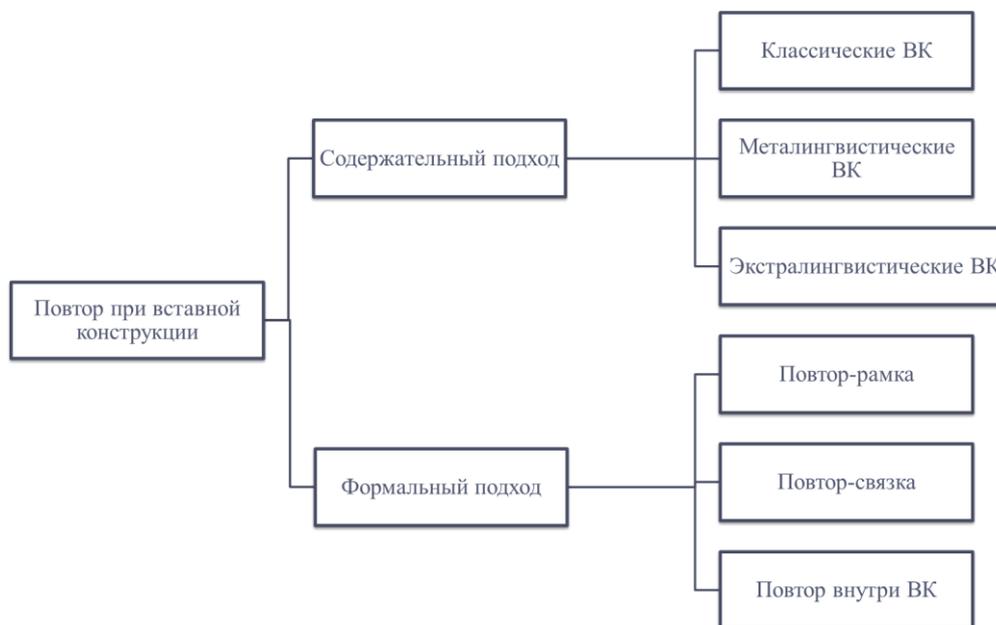

Рис. 2. Подходы к рассмотрению повторов при вставной конструкции

В примерах (28)-(30) представлены классические ВК, свойственные и литературному языку. Главным критерием выделения этого типа ВК является то, что они заключают в себе дополнительную информацию, ср.: «вставная конструкция <...> не только не входит в структуру предложения, но и не выражает никакого отношения говорящего к предмету его речи <...>. ВК – это всегда некая *дополнительная* информация (курсив мой. – Ю. З.), которую говорящий считает нужным сообщить, разного рода добавочные замечания, попутные указания, поправки, разъяснения и т. п.» (Звуковой корпус... 2013: 44). Такие ВК можно исключить из высказывания, не утратив его логики и сохранив грамматическую правильность – работает так называемый *прием устранения*.

Пример (31) иллюстрирует металингвистическую ВК (МВК): говорящий комментирует с ее помощью сложность текста, который пересказывает (*господи // как / *С сложный текст*). Стоит обратить

внимание, что МВК, «в отличие от классических вставных конструкций, в наибольшей степени диагностируют низкий уровень речевой компетенции говорящего (на долю информантов этой группы приходится 54,7 % всех МВК) и встречаются в текстах, построенных по наиболее трудным коммуникативным сценариям, – в пересказах несюжетного текста (33,7 %) и в описаниях несюжетного изображения (29,1 %)» (*Звуковой корпус... 2013: 63*). Анализируемый пример как раз и представляет собой фрагмент из пересказа несюжетного текста К. Г. Паустовского «Несколько слов о приметах».

Последний пример (32) включает экстралингвистическую ВК: говорящий произносит *мигает*, очевидно, обратив внимание на красный мигающий огонек диктофона. Подобные ВК, во-первых, абсолютно не связаны с порождаемым текстом, во-вторых, оказываются очень редкими, ср.: «в материале их выявлено всего две» (*там же: 59*). Таким образом, с содержательной точки зрения можно выделить следующие типы ВК, содержащие повтор в контексте: классические (28)-(30), металингвистические (31) и экстралингвистические (32).

При формальном анализе материала выделяется три типа повторов при ВК: повтор-рамка (находится на границах ВК) (31)-(32); повтор-связка (внутри ВК повторяется слово из основного высказывания) (29), (30); повтор внутри ВК (28).

Стоит обратить внимание, что в примерах (31)-(32) повторяется полноценная двусоставная грамматическая основа: *приметы передаются, он залез*. Кроме того, говорящие восстанавливают как распространитель *по радио* (31), так и союз *но*, указывающий на противительные отношения между частями высказывания (32). Эти факты подтверждают мысль, что повтор, обрамляя вставные конструкции, служит вспомогательным средством, «возвращая» говорящего на прежний путь речепорождения. Примечателен и тот факт, что при неклассических ВК повтор реализуется только в виде рамки. Это, гипотетически, связано с тем, что говорящими

такие конструкции воспринимаются как помехи (в отличие от классических ВК, которые все-таки касаются содержания текста).

Повтор-связка представлен в примерах (29)-(30): слово *сосны* в первом случае находится на границе высказывания и ВК, во втором – внутри ВК (*корабельные скажем сосны*). Идентичен повтор и в примере (30): существительное *ветви* предваряет вставную конструкцию, внутри которой это слово употребляется говорящим еще раз. Интересно, что при повторе-связке дважды произносится именно то слово или ЕТ, которые располагаются непосредственно перед ВК. После произнесения ВК говорящий в подобных случаях продолжает основное предложение без нарушения его синтаксической стройности и без грамматических ошибок. Подобные повторы уже не поддаются приему устранения, что можно считать «свойством спонтанной речи в целом» (*Звуковой корпус ... 2013: 52*).

В примере (28) информант описывает заболевание персонажа глазами профессионала (напомним, что все информанты в данном случае – медики). Изначально использованное словосочетание *избыток веса* заменяется на терминологическое *абдоминальное ожирение*. Повтор в этом случае не выходит за границы ВК; можно предположить, что говорящий намеренно использует профессиональную лексику только внутри вставной конструкции, которая не относится к основному высказыванию и не входит в его состав. Стоит обратить внимание и на структуру ВК: отсутствие повторяющихся слов за ее пределами может говорить о том, что говорящий образует новую синтаксическую структуру, которую не просто вписать в основное высказывание, но можно выделить как отдельное предложение. Однако «признать такую конструкцию обычным “предложением” в ряду других при этом все же довольно затруднительно как раз в силу характера передаваемой ею информации, которая остается подчеркнуто дополнительной, лежащей в плоскости, в какой-то степени параллельной основной теме текста» (*там же: 46*).

Комментария требует и тот факт, что все представленные примеры повторов при ВК обнаружены в монологах информантов, владеющих или высоким, или средним УРК. Это свидетельствует о том, что ВК – это сложная конструкция, реализация которой в речи требует определенного навыка построения высказывания.

Количественный анализ материала показал, что классические ВК в сочетании с повтором встречаются в русском устном монологе чаще (85 % случаев). Метакоммуникативные и экстралингвистические ВК распределены в материале практически равномерно (7 и 8 % случаев). Более разнообразным оказывается соотношение повторов при ВК с точки зрения их формы. Так, наиболее употребительным является повтор-рамка (54 %), повтор-связка реализуется в 39 % случаев, и повтор внутри ВК встречается реже всего (7 %). Взаимозависимость формы повтора от типа ВК можно увидеть на рис. 3.

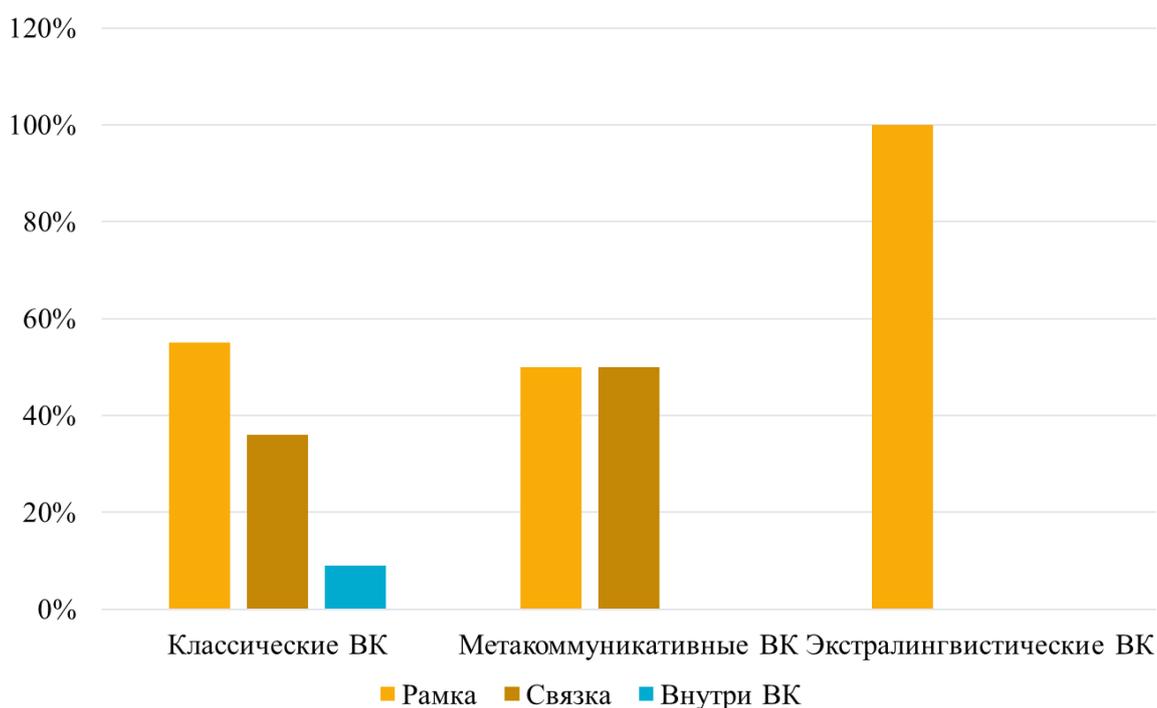

Рис. 3. Взаимозависимость формы повтора при ВК и типа ВК

Таким образом, все варианты реализации повтора (связка, рамка и повтор внутри ВК) были обнаружены только в сочетании с классическими ВК. Это свидетельствует о том, что, несмотря на специфичность этих конструкций в устной речи, они все равно, во-первых, реализуются

говорящими чаще, во-вторых, предоставляют больше возможных стратегий использования (имеются в виду только ВК в сочетании с повтором). Экстралингвистические ВК, в силу своей нечастотности, реализуются только путем повтора-рамки, наиболее «строгой» из описанных стратегий.

Проведенный количественный анализ контекстов с повторами при ВК с учетом типа речевого задания показал, что особенно часто различные ВК в сочетании с повтором реализуются при описании несюжетного изображения (см. рис. 4). Причины можно увидеть в следующем: «Несюжетное изображение считается более сложным для описания, оно статично, не направляет говорящего, не ориентирует на завершенность монолога. Информантам трудно было не выходить за рамки непосредственно описания. Только описывать – вероятно, и трудно, и скучно, хороший (представительный) текст должен включать косвенные факты, рассуждения, оценки, догадки и проч.» (*Звуковой корпус...* 2013: 383); «Анализ текстов-описаний показал, что часто информанты сначала выражают сомнения, а затем дополняют их собственными домыслами и догадками, восполняя тем самым недостающую информацию» (*там же*: 445), в связи с чем и возникает такое количество вставок.

Стоит, кроме того, прокомментировать и тот факт, что повторов при классических ВК не было обнаружено в монологах, записанных при пересказе обоих текстов (см. рис. 5). Вероятно, это вызвано тем, что внутри текстов-стимулов подобных конструкций нет.

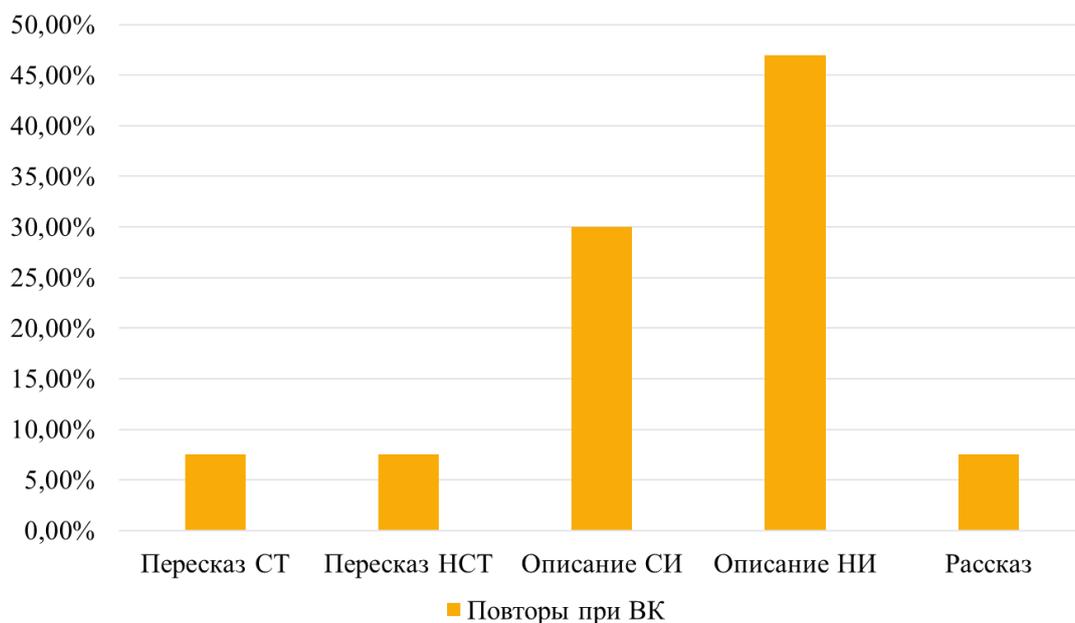

Рис. 4. Соотношение количества повторов при ВК в разных типах текстов

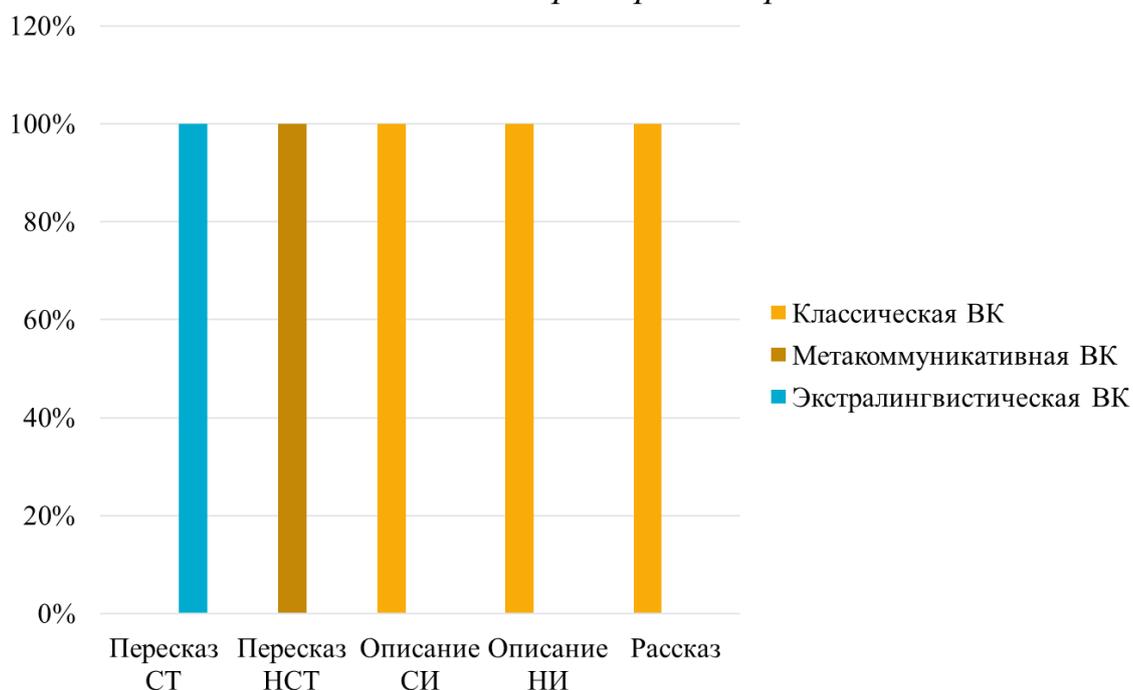

Рис. 5. Соотношение типа ВК и типа текста

Однако в рассмотренных монологах обнаруживаются единичные случаи повторов при экстралингвистических ВК (пересказ сюжетного текста) и метакоммуникативных ВК (пересказ несюжетного текста). Это еще раз доказывает, что при выполнении этих речевых заданий говорящему важнее всего воспроизвести прочитанный текст и любая дополнительная информация, комментарий и/или уточнение (собственно ВК) может навредить речепорождению и стать причиной того, что говорящий забудет

прочитанное, ср.: «Пересказ является одним из самых трудных коммуникативных сценариев <...>, поскольку говорящему в условиях спонтанного речепроизводства приходится строить текст с весьма жесткой структурой. Репродуцированный текст, во-первых, обладает высокой степенью лингвистической мотивированности исходным текстом и, напротив, достаточно низкой степенью спонтанности, что оказывает влияние на продуцирование монолога. Во-вторых, сценарий пересказа предполагает изложение содержания “своими словами” с относительным сохранением тематической и функциональной направленности предтекста. В-третьих, особенностью пересказа является то, что он представляет собой результат переработки говорящим содержательной и формальной структуры первичного текста. Чтение (или слушание) текста и его воспроизведение, несомненно, требуют активации интеллектуальных усилий. Иными словами, пересказ как вид речевой деятельности является средоточием многих психических процессов» (*Звуковой корпус... 2013: 214-215*).

Такое равномерное распределение в материале конструкций с ВК и повторами, вероятно, связано со спецификой порождаемых текстов. В рассказе (монолог на тему «Отдых») и описании сюжетного и несюжетного изображений говорящий более свободен в выборе дискурсивной стратегии, он сам избирает более удобную ему композицию, самостоятельно отбирает лексические единицы, одним словом, чувствует себя комфортнее, ср.: «изображение, в отличие от текста для пересказа, само по себе не задает средств номинации. Во-вторых, тонкости восприятия содержания изображения разными информантами также приводят к выбору различных лингвистических средств, используемых ими для номинации объектов и событий» (*там же: 398-399*). Пересказ же требует от говорящего соблюдения определенных границ текста-стимула, воспроизведения последовательности описанных событий, ср.: в репродуктивной речевой деятельности человек, как правило, стремится как можно точнее передать содержание предтекста (а порой и формальные его особенности) и в то же

время следует принципу экономии – как речевых усилий (Мартине 1960), так и объема оперативной памяти и скорости обработки информации, ограниченных человеческими возможностями.

Отдельного описания требует *повтор-навигатор*, представленный в контекстах (33)-(34):

33) *ну а про приметы ещё / приметы / если солнце / если бордо... / бордовый закат то на следующий день будет ветер* (ИЗЗ, жен., НУРК, ПНТ);

34) *на картине Шишкина / изображено / раннее утро в лиственном лесу солнце только-только поднимается / (э-э) над землёй наверно это где-то по времени часов наверно семь утра* (И15, жен., ВУРК, ОНИ).

Повтор такого типа используется теми информантами, которые, «с одной стороны, помогают себе вербально направлять движение монолога, с другой – “ведут” за собой слушателя, информируя его, о чем пойдет речь дальше» (Звуковой корпус 2014: 74). Так, в примере (33) испытуемый повторяет существительное *приметы*, являющееся тематическим центром и прочитанного, и пересказываемого текста. Это позволяет одновременно обозначить тему будущего высказывания и для себя, и для слушателя, вспомнить о том, что говорилось в тексте-стимуле. Схожий по назначению повтор обнаруживается и в примере (34). Говорящий повторяет вводное слово *наверно*, стремясь описать несюжетное изображение (что признано одним из самых сложных речевых заданий). Его эксплицированные предположения, во-первых, способствуют продвижению высказывания, во-вторых, позволяют ощутить степень его неуверенности в собственных словах. Такие повторы можно рассматривать как разновидность дискурсивных ВК, которые служат для говорящего вспомогательным средством в момент речепорождения.

Количественный анализ контекстов, включающих повтор в дискурсивной функции, показал, что наиболее часто этот элемент речепорождения используется говорящими при хезитации (см. рис. 6). Реже всего повтор используется в роли навигатора: это связано со спецификой

текстов-монологов исследуемого корпуса (навигатор реализуется при пересказе или описании).

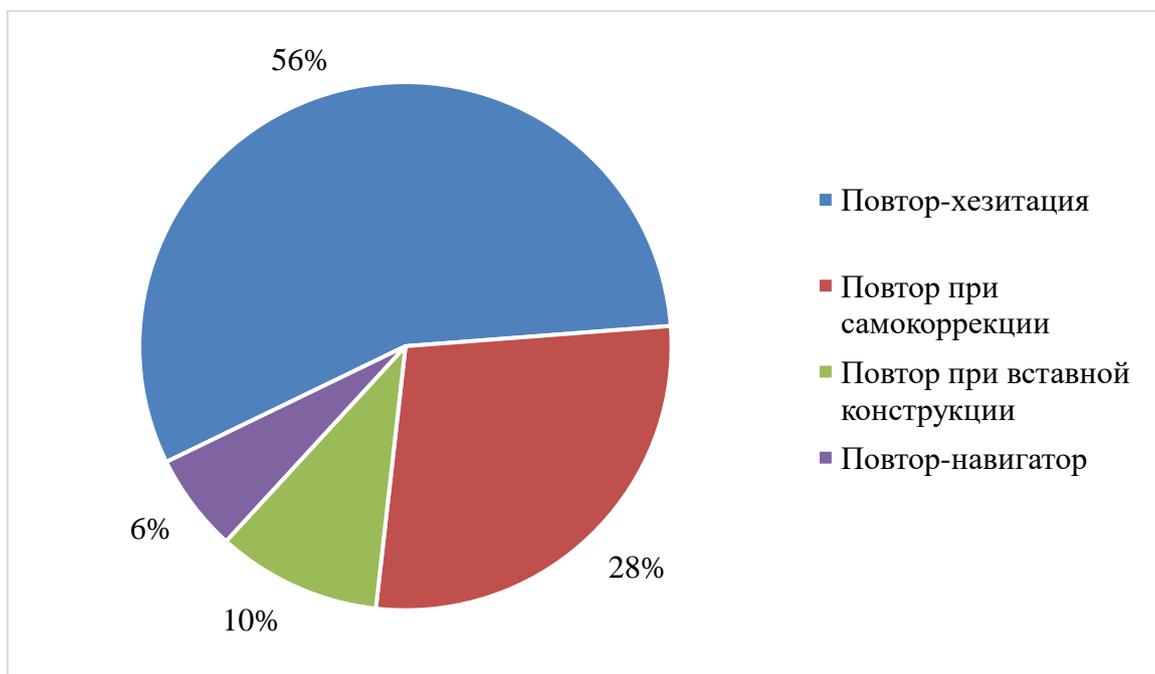

Рис. 6. Количественное распределение типов дискурсивных повторов

2.5. Лингвистический опрос о функциональном спектре повторов в русском устном монологе

Сегодня, как уже было сказано выше, инструментарий лингвистов усовершенствовался за счет технических средств фиксации, мониторинга и анализа современной повседневной речи. Однако при всей значимости инструментального и корпусного анализа устной речи старый метод массовых опросов остается важным инструментом лингвиста. Уже Л. В. Щерба высказывался о том, что только с помощью *лингвистического эксперимента* можно «надеяться подойти в будущем к созданию вполне адекватных действительности грамматики и словаря» (Щерба 1974: 30). Именно по этой причине для более точного выделения функций повтора в настоящем исследовании было принято решение о проведении *лингвистического опроса*.

Целью опроса был анализ восприятия функционального спектра повторов в русском устном монологе. Гипотеза заключалась в том, что одна из функций повторов в устном монологе (стилистический прием) выделяется

и опознается респондентами проще, чем другие. Кроме того, был задан дополнительный, немаловажный для настоящего исследования, вопрос: чем руководствуется человек, определяя функцию повтора?

Онлайн-опрос был проведен с помощью платформы Google. В опросе приняли участие 28 респондентов. К участию приглашались только филологи (и студенты, и преподаватели), так как наивный носитель языка вряд ли бы смог не только определить функцию повтора, но и осознать задачи эксперимента. Стоит отметить, что 53 % участников – студенты бакалавриата, и только 7 % – преподаватели и/или научные сотрудники, однако это не воспринимается как причина возможной недостоверности полученных результатов.

Кроме того, респондентам был задан дополнительный вопрос о сфере их научных интересов (см. рис. 7). Вероятно, это тоже могло повлиять на результаты опроса. Как видно из приведенной диаграммы, больше половины респондентов не интересуются анализом устной спонтанной речи.

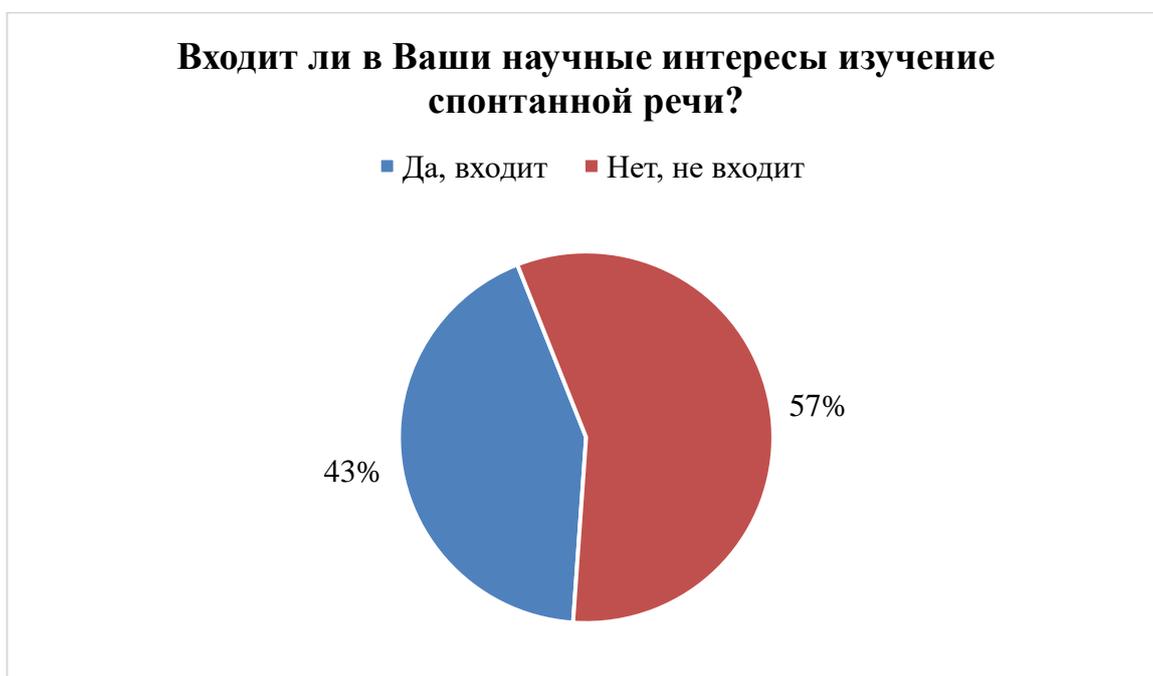

Рис. 7. Процентное соотношение полученных ответов о сфере научных интересов респондентов

Участникам опроса были предложены 15 контекстов, содержащих различные виды повторов. Для всех контекстов был один и тот же вопрос,

одни и те же варианты ответа. Так, перед респондентами была поставлена задача выбрать функцию и причины использования повтора в конкретном примере. Варианты ответа были следующими:

- повтор в этом контексте использован специально – как стилистический прием;
- повтор в этом контексте использован специально – как вспомогательное средство при возврате к высказыванию или самокоррекции;
- повтор в этом контексте использован не специально – появление повтора вызвано особенностями спонтанного речепорождения (сомнением говорящего, например).

Результаты опроса показали, что только в двух контекстах из пятнадцати (13 %) функция была определена единогласно: какой-то из трех вариантов выбрали 100 % опрошенных. Рассмотрим эти примеры подробнее:

35) *рассказ посвящён / тому / как / (э-э) одна семья решила поймать кота который обворовывал их практически каждую ночь он **воровал** всё он **воровал** мясо **воровал** сметану **воровал** молоко однажды он даже дошёл до того что решил / вырвать из / (э-э) жестяной банки наполненной червями этих червей (И15, жен., ВУРК, ПСТ);*

36) *почему / я говорю можно перенести в наше время / поскольку / ну действительно / **это** / **это** / **это** / этот пейзаж / эту картину / можно видеть и в наше время (И7, жен., СУРК, ОНИ).*

Интересно, что повторы в представленных примерах абсолютно противоположны по функции: контекст (35) демонстрирует классическое употребление стилистического повтора грамматической основы *он воровал* (с дальнейшим опущением подлежащего), пример же (36) иллюстрирует повтор-гезитацию (говорящий почти заикается и не может перейти к следующему высказыванию). Единогласное признание респондентами типов этих полярных контекстов свидетельствует о том, что повтор действительно полифункционален и обе роли могут быть идентифицированы собеседником (воспринимающим) в контексте.

Были обнаружены и наиболее «спорные» случаи (к таковым были отнесены те контексты, в которых респонденты отметили все три варианта ответа). Это касается следующих примеров:

37) *что ещё когда мы / там про костёр что-то было про костёр позже наверное ещё хочется про солнце* (И33, жен., НУРК, ПНТ);

38) *потому что / такая мысль такую / такая надежда / всё-таки осталась в его сердце* (И18, жен., ВУРК, ОСИ).

Повтор, употребленный говорящим в примере (37), уже был описан в предыдущем разделе (п. ...). Здесь представлен так называемый повтор-навигатор, «маячок», возникающий неосознанно и помогающий процессу речепорождения. Однако мнения респондентов разделились: 21,4 % из них отметили этот случай как стилистический прием; 35,7 % – как намеренный повтор при самокоррекции или ВК; 50 % – как ненамеренный повтор. Как видно из этих данных, третий вариант ответа, ненамеренный повтор, был выбран половиной респондентов, таким образом, функция неспециального, неосознанного говорящими повтора-навигатора все же подтвердилась.

Следующий контекст (38) содержит повтор, который в изначальной классификации был определен как повтор при самокоррекции. С другой стороны, если подробнее проанализировать структуру высказывания, можно предположить, что повтор местоимения *такой* реализует стилистическую функцию (*такая мысль, такая надежда*). Конечно, нельзя отрицать, что говорящий совершает оговорку, неверно употребив падеж местоимения. Вероятно, такой случай можно отнести к редким случаям контаминации функций, что и повлекло за собой такую разнородность в ответах опрошенных. Так, 60,7 % (большая часть) определили этот контекст как ненамеренный повтор; 28,6 % – как намеренный повтор при коррекции, и 25 % – как стилистический повтор.

При анализе ответов респондентов был обнаружен случай несовпадения изначальной классификации с мнением опрошенных. Обратим внимание на пример:

39) *ну вот // ну значит / **приметы** // **приметы** / это дым / когда он стелется когда он это поднимается и когда это самое* (И5, жен., НУРК, ПНТ).

Этот контекст уже был рассмотрен в рамках описания стилистических повторов (повтор при именительном темы). Однако значительная часть опрошенных (46,4 %) отнесли этот повтор к ненамеренным. Скорее всего, это вызвано обилием прагматических маркеров, окружающих повтор. Респонденты идентифицировали этот контекст как сомнение, увидели трудности, с которыми сталкивается говорящий, и поэтому определили этот повтор именно так. С другой стороны, важно отметить, что 39,3 % респондентов (близкий к «лидирующему» показателю) все же отметили этот случай как употребление стилистического приема, что доказывает жизнеспособность такого аспекта классификации. 28,6 % опрошенных определили этот повтор как намеренный при самокоррекции или ВК.

Таким образом, количество совпадений изначальной классификации по функции повторов с мнением опрошенных оказалось следующим:

- стилистическое средство – 4/6 (67 %);
- намеренный повтор (коррекция или повтор при ВК) – 5/6 (83 %);
- ненамеренный повтор (сомнение, сбои) – 3/3 (100 %).

В целом выбор респондентов в большинстве случаев (80 %) совпал с изначальным (авторским) определением функции повтора в контексте, это свидетельствует о правильности и работоспособности выбранной базы критериев.

Кроме того, респондентам было предложено ответить на дополнительный вопрос о критериях, которыми они руководствовались при определении функции повтора. Так, для стилистического повтора, по мнению опрошенных, характерно:

- неоднократность (имеется в виду цепочка повторов из трех и более элементов);

- разнообразные варианты продолжения (выстраивается перечисление при повторе-анафоре: одинаковый первый элемент – разное продолжение);
- нарочитость (стилистический повтор осознается и говорящими, и воспринимающими как намеренное употребление, способ оформления мысли).

Стоит отметить, что именно стилистический повтор, с точки зрения респондентов, определяется проще остальных вариантов. Это связано, вероятно, с тем, что стилистический прием выполняет важную для целостности текста композиционную функцию, и даже при чтении расшифровки устного монолога идентифицируется как элемент текста, а не помеха или реакция на сбой. Однако, несмотря на это, именно в группе этих примеров обнаружены несовпадения (например, повтор при именительном темы).

Главной отличительной чертой намеренного повтора при самокоррекции или ВК названа следующая: возврат к основному высказыванию (действительно, при исправлении ошибки или ВК говорящий вынужден вернуться к тому, о чем говорил до этого). Неосознанный повтор характеризуется наличием в близком окружении других специфических элементов устной речи (хезитации, обрывы), он рассматривается опрошенными как помеха.

Таким образом, при определении функции повтора респонденты руководствуются структурой высказывания, количеством повторов и его окружением. Эти критерии совпадают с предложенными выше.

2.6. On-line VS off-line повторы

Как уже было сказано ранее, повторы могут реализоваться с помощью двух стратегий. Стратегия on-line повтора предполагает отсутствие каких-либо элементов текста между частями повтора (ET), ср.:

40) *(э-э) туман / **очень** / **очень** / (э-э) хорошо определять погоду по / туману если ве... / с вечера стелется такой / (э-э) по земле* (И29, жен., НУРК, ПНТ).

Повторы в примере (40) разделены лишь паузой, других элементов между ними нет.

Другой способ реализации повтора – off-line стратегия, ср.:

41) *примет так много / что о них можно написать / **книгу** // да даже не одну / *С **книгу*** (И33, жен., НУРК, ПНТ).

Off-line повторы, как в контексте (41), отделены друг от друга иными элементами текста.

Количественный анализ пользовательского подкорпуса показал, что off-line повторы встречаются гораздо чаще (74 % случаев), on-line повтор был реализован в 26 % употреблений. Эти подсчеты были проведены без учета функции повтора. Функциональное распределение off-line повторов представлено на рис. 8.

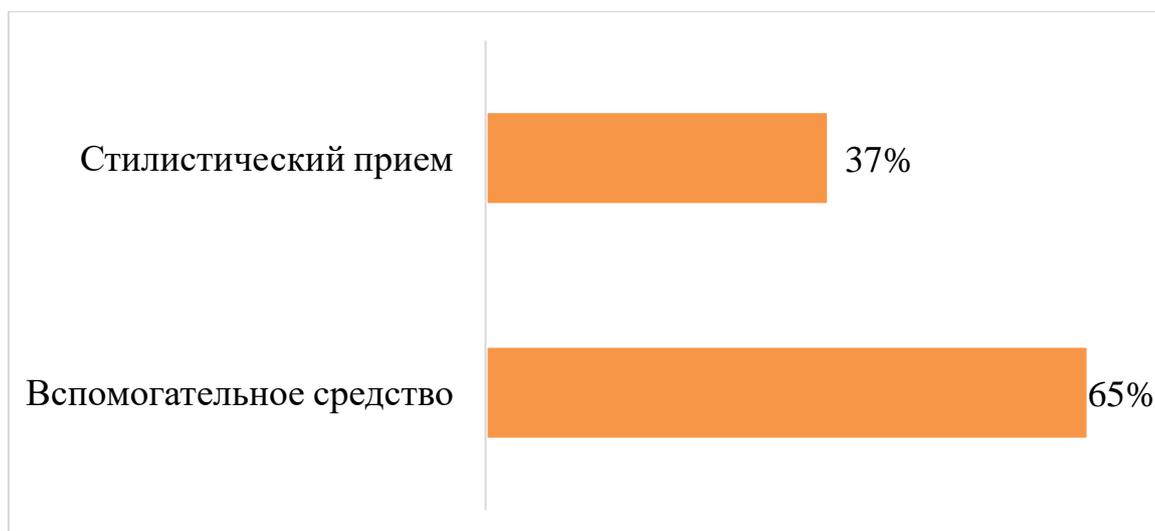

Рис. 8. Распределение off-line повторов с учетом выполняемой функции

Рассмотрим подробнее способы заполнения лакуны между повторами, выполняющими роль дискурсивного средства. Обратимся к примерам:

42) *пожилой / мужчина сидит на приёме / у врача / и по-видимому **получает** / (э-э) **получает** / (а-а) пожелания / (а-а) активного образа жизни* (И10, жен., СУРК, ОСИ);

43) *в зависимости от того / высоко ли поднимается дым кверху / стелется ли он / по земле / или / (а-а) / ра... / расте... / (э-э) **клубится** / клуби... / **клубится** около костра* (И10, жен., СУРК, ПНТ);

- 44) *и яркие лучи последние лучи яркого солнца осеннего / самый конец / августа / начало сентября* (И18, жен., ВУРК, ОНИ);
- 45) *(э-э) что-то там было / про / *С тучи которые / будут практически касаться к земли и о том что пойдут к полудню пойдут затяжные обложные дожди* (И20, жен., ВУРК, ПНТ);
- 46) *и тут начинается самое страшное начинается движение // вот движение это то что в общем-то к чему большинство наших соотечественников соотечественников¹³ особенно городских жителей к чему не привыкли* (И20, жен., ВУРК, ОСИ);
- 47) *это солнце окрашивает (э-э) в жёлтые (э-э) том... тона (э-э) небо деревья листва которая просвечивает через солнце она окрашивается в зелёно-жёлтые тона* (И15, жен., ВУРК, ОНИ).

Так, в примере (42) представлен случай заполнения лакуны с помощью вокализации (э-э). Повтор-гезитация в этом контексте вызван тем, что говорящий одновременно размышляет над сюжетом изображения и высказывает свои предположения. Неречевые звуки в сочетании с паузами следуют после каждого слова в этой части высказывания, что является свидетельством сомнений информанта.

Следующий пример (43) доказывает, что дистантный (off-line) повтор при самокоррекции может содержать между элементами обрыв слова. Говорящий совершает фонетическую оговорку (*клубится* вм. *клубится*), однако вовремя осознает сбой, обрывает слово и повторяет его уже правильно¹⁴. Стоит отметить, что, вероятно, возникновение оговорки вызвано тем, что до этого говорящий уже столкнулся со сложностью речепорождения: он дважды обрывает слово *растекается* ((*a-a*) / *ра...* / *расте...* / (э-э)), решает заменить его на *клубится* и снова сбивается. Повтор в таком случае помогает ему еще раз удостовериться в том, что он произнес слово верно.

¹³ В примере обнаруживается и другой повтор (существительное *соотечественников*). Вероятно, он вызван желанием говорящего оценить правильность сказанного, сложного для произношения, слова. Об этом свидетельствует отсутствие пауз между элементами цепи повторов.

¹⁴ Любопытно, что эта оговорка появляется после того, как слово уже было произнесено правильно: *клубится* / *клуби...* / *клубится*. Вероятно, говорящий еще не пришел в себя после «борьбы» с предшествующим глаголом *растекается*, начал совершать *антикоррекцию* (исправление правильного на неправильное), но вовремя спохватился и, наконец, исправил положение.

Лакуна между дистантными повторами может заполняться и полнозначным словом, как в примере (44). Информант решает изменить изначально употребленное прилагательное *яркие* на *последние* (лучи) и «передвинуть» определение *яркое* к существительному *солнце*.

В контексте (45) можно наблюдать ситуацию, когда лакуна между повторами заполняется предложно-падежной формой существительного (*к полудню*). Стоит прокомментировать, что это фрагмент пересказа несюжетного текста: начало высказывания явно свидетельствует о том, что говорящий пытается вспомнить исходный текст. Так, уточнение *к полудню* между повторяющимися сказуемыми *пойдут* – это прямое доказательство того, что информант в процессе говорения вспоминает детали текста-стимула и тут же встраивает их в высказывание.

Примеры (46)-(47) иллюстрируют случаи заполнения лакуны между повторами с помощью фразы или ее фрагмента. Эти два понятия – фраза и фрагмент фразы – отличаются друг от друга наличием предикативного центра: фрагмент фразы не включает сказуемого (46), фраза, соответственно, содержит его: *она окрашивает, которая просвечивает* (47).

Если рассматривать содержание лакун, можно выделить следующие варианты заполнения: хезитация, оговорка, уточнение, ВК. Эти типы повторов уже были описаны выше.

Таким образом, лакуны при off-line повторе могут заполняться по-разному и быть разной длины: от неречевого звука до фразы или вставных конструкций. Кроме того, небольшие разрывы между повторами (вокализация или обрыв слова) чаще встречаются при хезитации, самокоррекции, уточнении. Можно предположить, что чем длиннее элемент текста, заполняющий лакуну, тем, вероятно, лучше оперативная память говорящего и тем важнее для него повторяющееся слово(а) как тематическая «опора» во время спонтанного речепорождения.

2.7. Длина цепочки повторов

Цепочка повторов может быть разной длины. Анализ корпусного материала показал, что чаще всего повтор включает два элемента (см. рис. 9).

Рис. 9. Соотношение повторов с учетом длины цепочки

Кроме того, на этой диаграмме отражено и максимальное (по данным пользовательского подкорпуса) количество элементов в цепи – 5 ЕТ.

Кажется, гораздо интереснее рассмотреть более редкие случаи длинных цепочек повторов. Обратимся к примерам:

- 48) *приметы **важны** / (э-э) **важны** **важны** / *С но в городской жизни мы ими не пользуемся* (И18, жен., ВУРК, ПНТ);
- 49) *и природа как бы вспоминает **вспоминает** / тот период **когда** здесь жили люди / **когда** пользовались колодецем / **когда** жизнь была ключом / **когда** звенел весёлый смех детишек бегавших здесь* (И18, жен., ВУРК, ОНИ);
- 50) *(м-м) построенную **может быть** крестьянами какими-то **может** скорее всего крестьянами **может быть** какие-то деревенские дети или **может быть** охотники св... / свой / (м-м) домик / избушку построили для того чтобы хранить очень **может быть** для того чтобы хранить там / запасы / пицци запасы / воды как полагается в таких домиках дрова хранятся насколько я знаю ну **может быть** там ещё какие-то / (м-м) пули картечины чем вот они там пользуются / вот* (И24, жен., СУРК, ОНИ).

В контексте (48) представлен тройной повтор краткого прилагательного *важны*. Пересказывая несюжетный текст, говорящий, очевидно, не может вспомнить, о чем дальше в нем шла речь, и хезитирует с помощью повтора. Между первой и второй ЕТ проявляются пауза и неречевой звук (э-э), это говорит о том, что информант собирается начать новое высказывание, однако вынужден повторить сказуемое еще раз. Третья ЕТ не отделена от предыдущего паузой, и это можно рассматривать как проявление метакоммуникации: говорящий осознает, что уже дважды произнес одно и то же слово, однако высказывание не продвинулось дальше – в результате смеется сам над собой.

Пример (49) демонстрирует четырехкратный повтор слова *когда* в начале параллельных конструкций: это классическое употребление анафорического повтора. Следует отметить, что четырехкратный повтор, по данным пользовательского подкорпуса, реализуется только в роли стилистического приема.

Последний в этой группе пример (50) включает пятикратный повтор вводного слова *может быть*, реализованного на протяжении большого фрагмента высказывания. Очевидно, говорящий не может разобраться в последовательности своих размышлений и перечисляет их подряд, отмечая каждую новую версию повтором вводного слова. Такая длинная цепочка повторов уникальна: в материале встретился всего один подобный пример.

Таким образом, цепочки повторов могут включать разное количество элементов (от двух до пяти). Можно выделить четырехкратные повторы, которые употребляются говорящими только с повторами в стилистической функции.

2.8. Выводы по главе

Вторая глава настоящего исследования была посвящена анализу материала. Так, повтор в русском спонтанном монологе может выполнять многочисленные функции и служить для разных целей говорящего, что и было доказано посредством анализа корпуса. Основной функцией повтора

признается дискурсивная: говорящий прибегает к использованию повтора как к вспомогательному средству в сложных с точки зрения речепорождения ситуациях (сбой, вставная конструкция, оговорка). Однако стилистический повтор также является важной составляющей монолога: с его помощью говорящий выстраивает высказывание.

Наиболее часто реализуется двойной повтор, однако в материале были обнаружены и более масштабные, пятикратные, повторы внутри одного текста. Это свидетельствует о сложности этого явления и его важности для процесса речепроизводства.

Кроме того, проведенный лингвистический опрос доказал правильность выбранной базы критериев для определения функции повтора (в 80% случаев мнение респондентов совпало с авторским).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показало проведенное исследование, устная спонтанная монологическая речь может быть проанализирована и описана с разных точек зрения. Современные корпуса устной речи активно способствуют развитию коллоквиалистики. Так, исследование таких специфичных ее компонентов, как повторы, представляется важным объектом внимания лингвистов-коллоквиалистов. Целью настоящей работы было описание повторов в русской устной спонтанной речи (в частности, анализ функционального спектра этого явления). Изучение пользовательского подкорпуса, который составил 190 единиц в контекстах и базировался на корпусе русской монологической речи «Сбалансированная аннотированная текстотека», позволил сделать следующие выводы.

1. Повторы как явление устной спонтанной речи не только поддаются анализу, но и могут быть классифицированы по разным аспектам (функция повтора (с различными вариантами реализации), тип повтора, количество повторяющихся единиц текста в цепи).

2. Аспекты классификации позволяют характеризовать повторы с разных точек зрения и при этом являются тесно взаимосвязанными (так, off-line повторы напрямую связаны с типом дискурсивного повтора).

3. Появление повторов может быть объяснено различными причинами. Для стилистических повторов основной причиной становится стремление говорящего структурировать высказывание, для дискурсивных – специфика устного дискурса (спонтанно возникшие оговорки, например, или хезитация).

4. Количественный анализ материала позволил выявить наиболее частотные разновидности повторов. Так, было показано, что основной функцией повтора в русском устном монологе является роль дискурсивного средства (60 % случаев).

5. Сопровождение повторов такими элементами, как паузы хезитации, метакоммуникативы, рефлексивы и т. п., еще раз подтверждает факт

неразрывной связи устной спонтанной речи с характеризующими ее признаками (и их взаимодействия между собой).

6. Повтор при вставной конструкции используется говорящим намеренно: таким образом он «возвращается» к высказыванию. Иногда, наоборот, повтор употребляется говорящим только внутри ВК, что может, гипотетически, быть связано с содержанием этого комментария (так, медики дополняют основной текст профессиональными уточнениями).

7. Большинство повторов реализуется в виде рамки; это еще раз подтверждает важность такого повтора для точного восстановления основного высказывания. Кроме того, рамочные повторы редко состоят из одного слова, говорящие стремятся повторить целый фрагмент высказывания.

8. Повтор может реализовываться двумя способами: on-line и off-line. Off-line повторы встречаются гораздо чаще (74 % случаев); кроме того, большинство из них – это дискурсивные повторы. Эти данные еще раз подтверждают важность повтора как вспомогательного средства при спонтанном речепорождении.

9. Повторы могут реализовываться в цепочках разной длины. Так, наиболее распространенными оказываются двойные повторы. Реже встречаются тройные и четырехкратные. Пятикратный повтор представлен в материале исследования единичным контекстом и является стилистическим средством.

10. Проведенный лингвистический опрос респондентов-филологов способствовал ходу исследования: набор критериев для определения функции повтора (в том числе в спорных случаях) может считаться правильным, что подтверждается мнением респондентов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ВК	– вставная конструкция.
ВУРК	– высокий уровень речевой компетенции.
ДС	– дискурсивное средство.
ЕТ	– единица текста.
МВК	– метакоммуникативная вставная конструкция.
НСВ	– несовершенный вид.
НУРК	– низкий уровень речевой компетенции.
ОНИ	– описание несюжетного изображения.
ОСИ	– описание сюжетного изображения.
ПМ	– прагматический маркер.
ПНТ	– пересказ несюжетного текста.
ПСТ	– пересказ сюжетного текста.
САТ	– корпус монологической русской речи «Сбалансированная аннотированная текстотека».
СВ	– совершенный вид.
СП	– стилистический повтор.
СР	– свободный рассказ.
СУРК	– средний уровень речевой компетенции.
УР	– устная речь.
УРК	– уровень речевой компетенции говорящего.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдукаримова Ф. Ш.* Лексический повтор и его отношение к параллелизму // Уч. записки Худжандского гос. ун-та им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. – 2016, № 3. – С. 181-185.
2. *Алексеева Т. А.* Основные проблемы исследования устной речи в криминалистике // Вестник Томского гос. ун-та. – № 383, 2014. – С. 152-154.
3. *Амзаракова И. П.* «Монолог» в немецкой разговорной речи. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1995. – 37 с.
4. *Арнольд И. В.* Стилистика современного английского языка – Л.: Просвещение, 1981. – 295 с.
5. *Арнольд И. В.* Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов – М.: Флинта: Наука, 2002. – 311 с.
6. *Атажахова С. Т.* Стилистические функции повторов в художественном тексте // Мир науки, культуры, образования. – № 2 (75), 2019. – С. 341-343.
7. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. 2-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 607 с.
8. *Баева Е. М.* Хезитационные явления в устных монологах низкой степени спонтанности // Коммуникативные исследования. – Омск, 2018. – С. 75-84.
9. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Изд-во иностранной литературы, 2009. – 416 с.
10. *Баркович А. А.* Корпусная лингвистика: специфика современных метаописаний языка // Вестник Томского гос. ун-та. – 2016, № 406. – С. 5-18.
11. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика: перевод с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. *Г. К. Косикова.* – М.: Прогресс, 1989. – 615 с.
12. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 421 с.
13. *Богданова-Бегларян Н. В.* Обрыв в устном монологе как «точка сбоя» и способы ее преодоления // Коммуникативные исследования. – 2020, № 3. – С. 555-567.
14. *Богданова-Бегларян Н. В., Блинова О. В., Зайдес К. Д., Шерстинова Т. Ю.* Корпус «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ): изучение специфики русской монологической речи // Труды Ин-та русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 21. Национальный корпус русского языка: исследования и разработки / Гл.

- ред. *А. М. Молдован*. Отв. ред. выпуска *В. А. Плунгян*. – М., 2019. – С. 111-126.
15. *Богданова-Бегларян Н. В., Маслова Е. Р.* Русские контактные глаголы в устной спонтанной речи: объем словника и функционально-семантическое разнообразие // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. – СПб.: Наука, 2019. – С. 158-184.
 16. *Бондаренко Л. П.* О роли пауз хезитации в мелодическом оформлении синтагмы // *Экспериментально-фонетический анализ речи: проблемы и методы*. – Киев: Интонация, 1978. – С. 103-112.
 17. *Бондаренко Л. П.* Пауза колебания и порождение высказывания // *Экспериментально-фонетический анализ речи: проблемы и методы*. Вып. 1 / Отв. ред. *Л. В. Бондарко*. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. – С. 158-166.
 18. *Бондарко А. В.* О стратификации семантики // *Общее языкознание и теория грамматики: Материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения Соломона Давидовича Кацнельсона* / Отв. ред. *А. В. Бондарко*. – СПб.: Наука, 1998. – С. 258-259.
 19. *Бонч-Осмоловская А. А.* Конструкции с «дативным субъектом» (опыт корпусного исследования на материале русского языка). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003. – 30 с.
 20. *Борискина О. О.* Корпусное исследование языка: мода или необходимость? // *Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. – 2015, № 3. – С. 24–27.
 21. *Бродт И. С.* Спонтанный монолог в лингвистическом и социолингвистическом аспектах (на материале текстов разного типа). Дис. ... канд. фил. наук. – СПб., 2007. – 289 с. (машинопись).
 22. *Бурая Е. А.* Роль просодии в формировании ритма спонтанной диалогической речи (Экспериментально-фонетическое исследование на базе английского языка). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1983. – 24 с.
 23. *Виноградов В. А.* Редупликация // *Лингвистический энциклопедический словарь* / Гл. ред. *В. Н. Ярцева*. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 408.
 24. *Гаспаров Б. М.* Устная речь как семиотический объект // *Семантика коммуникации и семиотика устной речи*. – Тарту: Тартуский ГУ, 1978. – С. 63-112.
 25. *Головушкина М. В.* Стилистическая функция повтора в произведениях Чарльза Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба» и «Холодный дом» // *Сб. трудов Международной научно-методической*

- конференции «Университетское образование». – Пенза, 2015. – С. 19-33.
26. Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики. – М.: Лабиринт, 2001. – С. 55-73.
 27. Горшунова Т. И. Причины и формы проявления повтора в спонтанной речи // Мир науки, культуры, образования. – 2009, № 5 (17). – С. 29-41.
 28. Грамматика русского языка. Том II. Синтаксис. Часть вторая / Ред. коллегия: В. В. Виноградов, Е. С. Истрина. 2-е изд. – М.: АН СССР, 1960. – 440 с.
 29. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // В. фон Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию / Пер. Г. В. Рамшвили. – М.: Прогресс, 1984. – С. 37-297.
 30. Девкин В. Д. Проблемы немецкой разговорной речи. Лексика и синтаксис. Автореф. дис... докт. филол. наук. – М., 1974. – 60 с.
 31. Завадская Ю. О. Оговорки как явление устной спонтанной речи: основные аспекты анализа // Коммуникативные исследования. – № 2 (16), 2018. – С. 37-51.
 32. Завадская Ю. О. Оговорки в зеркале социолингвистики // Социо- и психолингвистические исследования. – № 7, 2019. – С. 33-39.
 33. Завадская Ю. О., Богданова-Бегларян Н. В. Оговорка как специфическая составляющая устной спонтанной речи (монолог vs диалог) // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. – 2019. Т. 11, вып. 1. – С. 14–24.
 34. Захаров В. П. Корпусная лингвистика: Учебно-методическое пособие. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный ун-т, 2005. – 48 с.
 35. Звуковой корпус как материал для анализа русской речи: коллективная монография. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2013. – 532 с.
 36. Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Том 1. О некоторых особенностях устной спонтанной речи разного типа. Звуковой корпус как материал для преподавания русского языка в иностранной аудитории / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2014. – 320 с.
 37. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. – М.: Наука, 1992. – 220 с.
 38. Зиндер Л. Р. Очерк общей теории письма. – Л.: Наука, 1987. – 112 с.

39. *Зубченко М. В.* Психолингвистическая характеристика тематически организованного спонтанного монолога (на материале русского языка) // Вестник Тамбовского ун-та. Серия: Гуманитарные науки. – № 5, 2009. – С. 13-19.
40. *Иванчикова Е. А.* Лексический повтор как экспрессивный прием синтаксического распространения // Мысли о современном русском языке / Под ред. акад. *В. В. Виноградова*. – М.: Просвещение, 1969. – С. 126-139.
41. *Касаткин Л. Л., Клобуков Е. В., Лекант П. А.* Краткий справочник по современному русскому языку / Под ред. *П. А. Леканта*. – М.: Высшая школа, 1995. – 382 с.
42. *Кашкин В. Б.* Метакоммуникация в пространстве обыденного и научного познания // *М. Б. Бергельсон, М. К. Раскладкина* (ред.). Коммуникативное пространство: измерения, пределы, возможности. Материалы выступлений на V Международной конференции РКА «Коммуникация-2010». – М.: Изд-во Московского ун-та, 2010. – С. 193–196.
43. *Кибрик А. А.* Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. – 2009, № 2. – С. 3-21.
44. *Ковальчук И. Ю.* Повтор и его функция в тексте. Дис. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 2004. – 118 с. (машинопись).
45. *Кубрякова Е. С.* Номинативный аспект речевой деятельности. – М.: Наука, 1986. – 157 с.
46. *Левицкий Ю. А.* К вопросу о второй коммуникации // Проблемы социо- и психолингвистики. Вып. 15. Пермская социопсихолингвистическая школа: идеи трех поколений. К 70-летию Аллы Соломоновны Штерн. Сб. статей / Отв. ред. *Е. В. Ерофеева*. – Пермь: Перм. гос. нац.-иссл. ун-т, 2011. – С. 159-167.
47. *Ляпон М. В.* Вставная конструкция // Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. *Ф. П. Филин*. – М.: Советская энциклопедия, 1979. – С. 49.
48. *Мазикова Н. Ю.* Прагматика повтора в спортивных телерепортажах Д. Губерниева // Труды Ростовского гос. ун-та путей сообщения. – 2020, № 1 (38). – С. 43-56.
49. *Мамардашвили М. К.* Стрела познания (набросок естественноисторической гносеологии). – М., 1997. – 326 с.
50. *Мартине А.* Принцип экономии в фонетических изменениях. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960. – 320 с.
51. *Мартине А.* Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. Вып. 3. – М.: ..., 1963. — С. 366-566.

52. *Матюхина Ю. В.* Развитие системы фатической метакоммуникации в английском дискурсе XVI-XX вв. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Харьков, 2004. – 22 с.
53. *Мельников Г. П.* Системная типология языков: Принципы, методы, модели / Отв. ред. *Л. Г. Зубкова.* – М.: Наука, 2003. – 121 с.
54. *Минлос Ф. Р.* Редупликация и парные слова в восточнославянских языках. Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2004. – 184 с. (машинопись).
55. *Михасенко Г. В.* Функциональный аспект речевых пауз в современном английском языке. Экспериментально-фонетическое исследование. Дис. ... канд. филол. наук. – Минск, 1986. – 224 с. (машинопись).
56. *Мишечкина Н. А.* Разбор понятия «устная монологическая речь» // Молодой ученый. – 2018, № 19 (205). – С. 370-373.
57. *Морен М. К., Тетеревникова Н. Н.* Стилистика современного французского языка. Учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1960. – 298 с.
58. *Москвин В. П.* Стилистика русского языка: теоретический курс.: Учебное пособие для студентов вузов. Изд. 3-е, перераб. и доп. – Волгоград: Перемена, 2006. – 639 с.
59. *Найссер У.* Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии / Перевод с англ. *В. В. Лучкова.* – М.: Прогресс, 1981. – 232 с.
60. *Наумов В. В.* Лингвистическая идентификация личности // Фонетические чтения в честь 100-летия со дня рождения Л. Р. Зиндера (сб. статей) / Науч. ред. *Л. В. Бондарко.* – СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2004. – С. 240-245.
61. *Остапенко Д. И.* К трактовке понятия «Метакоммуникация» // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013, № 1. – С. 32-35.
62. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 6-е. – М.: URSS, 1938. – 452 с.
63. *Плотникова А. В.* Дискурсивно-регулятивная роль диалогического повтора в речевой коммуникации // Современная филология: материалы международной заочной научной конференции (г. Уфа, апрель 2011 г.). / Под общ. ред. *Г. Д. Ахметовой.* – Уфа: Лето, 2011. – С. 178-180.
64. *Плотникова А. В.* Повтор как составляющая речевой коммуникации // Филология и лингвистика в современном обществе: материалы II Международной научной конференции (г. Москва, февраль 2014 г.). – М.: Буки-Веди, 2014. – С. 100-102.

65. *Плунгян В. А.* Зачем нужен Национальный корпус русского языка: Неформальное введение // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. – М.: Индрик, 2005. – С. 6–20.
66. *Плунгян В. А.* «Интегрум» и Национальный корпус русского языка в лингвистических исследованиях // *Integrum: точные методы и гуманитарные науки.* – М.: Летний сад, 2006. – С. 76–84.
67. *Подлесская В. И., Кибрик А. А.* Самоисправления говорящего и другие типы речевых сбоев как объект аннотирования в корпусах устной речи // Научно-техническая информация. Серия 2. – 2007, № 2. – С. 2-23.
68. *Подлесская В. И., Кортаев Н. А., Мазурина С. И.* Самоисправления говорящего в русском монологическом и диалогическом дискурсе: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. – 2019. Вып. 18 (25). – С. 547-562.
69. *Поцелуевский А. П.* История письма. – Ашхабад: тип. Ашхаб. гос. пед. ин-та им. А. М. Горького, 1946. – 128 с.
70. *Прагматические маркеры* русской повседневной речи. Словарь-монография / Сост., отв. ред. и автор предисловия *Н. В. Богданова-Бегларян.* – СПб.: Нестор-История, 2021. – 528 с. (В печати).
71. *Просвиркина И. И., Левина Е. Н.* Коммуникативные качества устной речи // Вестник Череповецкого гос. ун-та. – 2009, № 5. – С. 51-64.
72. *Райская Л. М.* Лекции по русскому языку и культуре речи. – Томск: Изд-во Томского политех. ун-та, 2009. – 152 с.
73. *Рождественский Ю. В.* Введение в культуроведение. – М.: Добросвет, 2000. – 280 с.
74. *Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. Пособие для учителей. – М.: Просвещение, 1976. – 543 с.
75. *Русская разговорная речь.* Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. – М.: Наука, 1983. – 240 с.
76. *Русская спонтанная речь.* Спонтанные монологи разных типов. Тексты. Лексические материалы / Сост. *И. С. Бродт* / Отв. ред. *Н. В. Богданова-Бегларян.* – СПб., 2021. – 100 с. (В печати).
77. *Рыков В. В.* Прагматически ориентированный корпус текстов // Тверской лингвистический меридиан. Вып. 3. – Тверь, 1999. – С. 89-96.
78. *Сапунова Е. М.* Лингвистические особенности неподготовленного чтения как вида речевой деятельности // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Филология. Востоковедение. Журналистика. – Серия 9. Вып. I. Часть II, 2009а. – С. 161–168.

79. Сапунова Е. М. Неподготовленное чтение как вид речевой деятельности и тип устного спонтанного монолога (на материале русского языка). Дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2009б. – 237 с. (машинопись).
80. Скобликова Е. С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. – М.: Просвещение, 1979. – 236 с.
81. Сквородников А. П. Позиционно-лексический повтор как стилистическое явление. Филологические науки. – 1984, № 5. – С. 71-76.
82. Соколова М. А., Тихонова И. С., Тихонова Р. М., Фрейдина Е. Л. Теоретическая фонетика английского языка. – М.: Владос, 2005. – 286 с.
83. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – С. 59-67.
84. Томпсон П. Голос прошлого. Устная история / Пер. с англ. – М.: Весь мир, 2003. – 368 с.
85. Трунов Д. Г. Вербальная и невербальная метакоммуникация // Материалы II Международной конференции «Коммуникация: концептуальные и прикладные аспекты (Коммуникация-2004)». 24-28 мая 2004 г., Ростов-на-Дону. – Ростов-на-Дону: Институт управления, бизнеса и права, 2004. – С. 80-81.
86. Фадеева Л. В. Исследования устной речи в германистике // Преподаватель XXI века. – 2009, № 2-2. – С. 313-321.
87. Фонетика спонтанной речи / Под ред. Н. Д. Светозаровой. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. – 243 с.
88. Хан Н. А. Конструкция (я) не знаю в русской спонтанной речи: соотношение разных функциональных типов // Мир русского слова. – 2012, № 3. – С. 24-29.
89. Хан Н. А. Спонтанные монологи разного типа в коммуникативно-дискурсивном аспекте (на материале Звукового корпуса русского языка). Дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2013. – 283 с. (машинопись).
90. Цин Ян. Функции анафоры в газетно-публицистическом стиле // Человек в мире культуры. – 2014, № 4. – С. 69-75.
91. Цуй Юань. О двух типах разговорного словообразования (на материале языка газет) // Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы / Отв. ред. Л. П. Крысин. – М.: ИРЯ РАН, 2006. – С. 644-650.
92. Чечиков М. А. Специфика повтора как стилистического приема и его лингводидактический потенциал // Вестник Московского информационно-технологического ун-та. – 2019, № 2. – С. 16-21.

93. *Чхетиани Т. Д.* Лингвистические аспекты фатической метакоммуникации. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1987. – 24 с.
94. *Чэн Чэнь.* Повтор как хезитационное явление в речи китайцев на русском языке // Вестник Бурятского гос. ун-та. Философия. – 2016, № 2. – С. 112-120.
95. *Чэнь Чэнь.* Обрыв как хезитационное явление в русской речи носителей китайского языка // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. – 2017, № 1. – С. 99-108.
96. *Чэн Чэнь.* Хезитации в русской устной речи носителей китайского языка. Дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2018. – 198 с. (машинопись).
97. *Шапиро А. Б.* Современный русский язык. Пунктуация. Учебное пособие для вузов. 2-е изд. – М.: Просвещение, 1974. – 287 с.
98. *Шмелев А. Д.* Языковые факты и корпусные данные // Русский язык в научном освещении. – 2010, № 19 (1). – С. 236-265.
99. *Щерба Л. В.* Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1957. – 188 с.
100. *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – С. 24-39.
101. *Ягинцева О. Г.* Редупликация и повтор в образовании бытовых терминов // Humaniora: Lingua Russica. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII. – Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 2009. – С. 354-365.
102. *Яковлева Э. Б.* Речевые хезитации: формальный и функциональный аспекты: аналит. обзор / РАН. Инион. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; отв. ред. *Нагорная А. В.* – М.: ИНИОН РАН, 2011. – 73 с.
103. *Якубинский Л. П.* Избранные работы: Язык и его функционирование. – М.: Наука, 1986. – С. 17-58.
104. *Янко-Триницкая Н. А.* «Штучки-дрючки» устной речи (повтор-отзвучие) // Русская речь. – 1968, № 4. – С. 48-52.
105. *Янко-Триницкая Н. А.* Словообразование в современном русском языке. – М.: Индрик, 2001. – 504 с.
106. *Andor, J.* The Master and His Performance: An Interview with Noam Chomsky // Intercultural Pragmatics. – No 1-1, 2004. – Pp. 93–111.
107. *Ducrot, O.* Le dire et le dit. – P.: Minuit, 1980. – 240 p.
108. *Fieler, R.* Sprache und Sprechen / *H. Barthel* (Hrsg.). – München, Band 41. 2003, № 41. – Pp. 22-23.

109. *Pabst-Weinschenk M.* Probleme beim Sprechdenken.
Sprechwissenschaftliche Überlegungen zu einem rhetorischen Grundbegriff
// Sprechsprachliche Kommunikation. Probleme, Konflikte, Störungen
/ *L. C. Anders, U. Hirschfeld* (Hrsg.). – Frankfurt a/M., Band 12: Hallesche
Schriften zur Sprechwissenschaft und Phonetik. – 2003, № 12. – P. 250-274.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

1. *Ефремова Т. Ф.* Современный толковый словарь русского языка. В 3 томах. Том 2. – СПб.: Норинт, 2005. – 1168 с.
2. *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2-х томах. – М.: Русский язык, 2000. – 1209 с.
3. *Литературная энциклопедия терминов и понятий* / Под ред. *А. Н. Николюкина.* – М.: Ин-т научной информации по общественным наукам РАН, Интелвак, 2001. – 1600 с.
4. *Энциклопедический словарь* Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). – СПб.: ПОЛРАДИС, 1993. – 2561 с.